

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

На годъ	8 р.
» 9 мѣсцевъ	6 »
» 6 »	5 »
» 3 »	3 »

за Границею

На годъ	10 »
-------------------	------

Съ приложеніями:

Въ Россіи на годъ	10 »
-----------------------------	------

» на полгода	6 »
------------------------	-----

За границей на годъ	14 »
-------------------------------	------

Приложенія одинъ въ годъ—5 р.	
-------------------------------	--

Отдѣлн. номера газеты по 20 к.	
--------------------------------	--

Объявленія печатаются по 15 к.	
--------------------------------	--

за строку на послѣдней страницѣ	
---------------------------------	--

и по 30 коп. на первой.	
-------------------------	--

За перемѣну адреса: иногор. на	
--------------------------------	--

гор. 20 к., гор. на иногор. 50 к.	
-----------------------------------	--

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПБ.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, а
также въ книж. маг., Воль-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ. Недоразумѣнія и превратности въ вопросѣ заселенія степей. — Хроника. — Корреспонденціи изъ Томска, Акмолинска, Ташкента и съ Амура. — Письма изъ Сибирской деревни (IV). Карымова. — О переселенческихъ отрядахъ. (Письмо въ редакцію). Аборигена. — Журнальное обозрѣніе. С. Х. — Литературный процессъ. — Изъ записной книжки Добродушнаго Сибиряка. (Фельетонъ). — Хроника жизни за недѣлю. — Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ НА 1888 Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

(годъ девятый)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе, выходящее безъ
предварительной цензуры

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ «Русская Мысль» высылалась на льготныхъ условіяхъ (вмѣсто 17, за 10 рублей) сельскимъ учителямъ и учительницамъ, студентамъ, слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанницамъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Опытъ показалъ, что существуютъ и другія многочисленныя группы лицъ, для которыхъ при равной потребности въ чтеніи, платить за журналъ семидесять рублей—обременительно, таковы: священники, учителя городскихъ учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ, земскіе врачи, акушери, фельдшера, получающіе небольшое содержаніе чиновники всѣхъ вѣдомствъ и военно-служашіе, служащіе въ земскихъ, городскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при желаніи много знающихъ такого рода. Подвести эти заявленія подъ опредѣленные рубрики, точно указать всѣ профессии, которыя давали бы право на льготу при подпискѣ—невозможно. Къ тому же, въ средѣ каждой профессіи имущественное положеніе отдѣльныхъ лицъ до крайности разнообразно. При самомъ широкомъ развитіи льготной подписки будетъ много лицъ, несправедливо обогденныхъ. Давать же исключеніе по собственному усмотрѣнію редакціи не считая ни справедливымъ, ни дѣлсообразнымъ. Сдается одинъ исходъ, могущій удовлетворить законную потребность большинства читателей: общее пониженіе цѣны изданія. Предложъ такого пониженія, возможнаго при нынѣшнихъ условіяхъ издательскаго дѣла и при распространеніи «Русской Мысли» въ послѣдніе два года въ десяти тысячахъ экземпляровъ, оказывается двѣнадцать рублей съ доставкою и пересылкою.

Пониженіе цѣны не будетъ имѣть никакого вліянія ни на содержаніе журнала, ни на его вѣнность и объемъ. Журналъ будетъ попрежнему выходить безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно книгами отъ 30 до 35 листовъ, подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ, что, само собою, обуславливаетъ неизмѣнность его программъ, задачъ и направленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 »	7 »	3 »	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣмъ, съ 1-го апрѣля, ежемѣсячно по 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., д. Армянской церкви.

Редикторъ-издатель В. М. Лавровъ.

НЕДОРАЗУМѢНІЯ И ПРЕВРАТНОСТИ ВЪ ВОПРОСѢ ЗАСЕЛЕНІЯ СТЕПЕЙ.

Передовая статья въ № 34 „Восточнаго Обозрѣнія“ „Переселенческое дѣло въ Западной Сибири и степяхъ“, вызвала нѣсколько запросовъ и недоразумѣній, на которые мы охотно готовы дать отвѣтъ. Прежде всего мы должны замѣтить, что передовая статья, содержащая мнѣніе о межевыхъ отрядахъ и способности степи къ земледѣльческимъ поселеніямъ, цѣликомъ составлена изъ присланныхъ мѣстныхъ извѣстій. Но къ этимъ извѣстіямъ мы тогда же сдѣлали редакціонное примѣчаніе, не вполне согласное съ мнѣніемъ корреспондента по вопросу о заселеніи степей, даже скорѣе предостерегающее его отъ увлеченій. Руководились мы въ этомъ случаѣ нашимъ собственнымъ взглядомъ на это дѣло. Что касается мнѣнія о межевыхъ отрядахъ, то мы оставили ихъ цѣликомъ на отвѣтственности корреспондента. Присланные намъ разъясненія по тому и другому вопросу даютъ намъ возможность возстановить истину. Письмо о дѣятельности межевыхъ отрядовъ мы печатаемъ особо. Что же касается вопроса о заселеніи степей русскимъ населеніемъ, то позволимъ напомнить, что по этому поводу у насъ было нѣсколько статей, разбиравшихъ этотъ вопросъ въ опредѣленномъ смыслѣ *). Мы не имѣли только свѣдѣній, въ какомъ фазисѣ находится это дѣло въ послѣднее время, а потому присланныя извѣстія объ образованіи особыхъ комиссій въ областяхъ, съ цѣлію пріисканія мѣстностей, пригодныхъ для осѣдлыхъ поселеній, мы сочли интересными, также какъ тѣ возрѣнія и выводы, къ какимъ пришли новыя комиссіи. Мнѣніе одной изъ нихъ мы извлекли цѣликомъ изъ корреспонденціи. Достаточно взглянуть, однако, на заключеніе этой статьи и на примѣчаніе редакціи, чтобы понять, что взглядъ нашъ расходился со взглядомъ комиссіи и автора, приславшаго намъ замѣтку о ходѣ дѣла. Надо замѣтить, что мы хорошо помнимъ все теченіе вопроса о заселеніи степей съ самаго начала его возникновенія; мы присутствовали при зарожденіи этого вопроса въ За-

*) Укажемъ на статью въ 1882 г., «В. О.» Заселеніе киргизскихъ степей въ № 19, а также статью «Вопросъ о заселеніи степи» № 40, «В. О.» за 1885 г.

падной Сибири, такъ какъ редакторъ настоящаго изданія самъ принадлежалъ къ комитету, созданному для водворенія осѣдлыхъ поселеній въ степи при генераль-адъютантѣ Н. Г. Казнаковѣ. Изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ генераль-губернатора Казнакова можно усмотрѣть, какъ выдвинулся вопросъ о заселеніи степей. Онъ обусловливался, съ одной стороны, намѣченнымъ планомъ соединить степные города, Акмолинскъ, Кокчетавъ, Петропавловскъ и Омскъ прямыми трактовыми дорогами и устроить кромѣ станицъ станицы, съ другой, желаніемъ постепенно приучать киргизъ къ земледѣлю и сократить кочевки, замкнувъ ихъ въ линію новыхъ русскихъ поселеній. Безъ сомнѣнія, планъ этотъ и соображенія должны были быть разобраны, въ смыслѣ ихъ осуществимости, а также нужно было провѣрить, на сколько степь представляетъ благоприятныхъ условий для земледѣльческихъ поселеній. Съ этою цѣлью въ степь былъ командированъ старшій чиновникъ особыхъ порученій Н. Н. Балкашинъ, а, по возвращеніи его, образованъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена совѣта главнаго управления Е. А. Заборовскаго, съ участіемъ Н. Н. Балкашина, чиновника особыхъ порученій А. П. Круссерова, начальника съемочнаго отдѣленія Ф. А. Дорофѣева и дѣлопроизводителя Н. Ядринцева. При самомъ открытіи комитета мнѣнія въ немъ по указанному вопросу рѣзко раздѣлились, — чиновникъ особыхъ порученій Балкашинъ, нынѣ покойный, явился ярлымъ пропагандистомъ заселенія степи во что бы то стало, а именно, онъ доказывалъ, что вся степь пригодна для осѣдлыхъ поселеній, что поселки могутъ быть вырѣзываемы по трактамъ, не обращая вниманія на кочевое населеніе, что всякое стѣсненіе киргизъ побудитъ ихъ къ осѣдлости. Цѣль его проекта заключалась въ принудительномъ обращеніи киргизъ къ осѣдлости и въ полнѣйшемъ отверженіи интересовъ и нуждъ кочевниковъ. Противъ такого узкаго взгляда коммиссія протестовала и потребовала собранія положительныхъ данныхъ о томъ, какія мѣстности степи удобны для земледѣлія, далѣе, какъ вырѣзка земель можетъ отразиться на кочевомъ хозяйствѣ и, наконецъ, какое количество земель въ данную минуту нужно для того, чтобы скотоводческое хозяйство киргизъ не потерпѣло ущерба. Всѣ эти вопросы вызвали горячіе дебаты, писались особыя мнѣнія, полемика приобрѣла острый характеръ, и мало-по-малу изъ канцелярскихъ формъ выступилъ весьма жизненный вопросъ о судьбѣ и жизни кочеваго населенія. Большинство членовъ комитета, сознавая всю нелѣпость стремленія къ обездоленію кочевниковъ, было парализовано съ самаго начала предвзятыми мнѣніями. Споры и пререканія не позволили комитету заняться дѣломъ, а упрямство покойнаго Балкашина обнаружило тѣмъ, что онъ, не давая ничего дѣлать коммиссіи, взысканіе нажаловался генераль-губернатору и постарался оттянуть дѣятельность комитета, представивъ дѣло идущимъ въ разрѣзъ съ видами генераль-губернатора. Тогда, не дожидаясь работъ комитета, покойный генераль-адъютантъ Казнаковъ послалъ межевыхъ чиновъ вырѣзать участки для крестьянскихъ населеній, положившись на мнѣніе чиновника Балкашина, что степь представляетъ удобства для земледѣлія. Участки были вырѣзаны, а комитету не оставалось болѣе ничего дѣлать. Тѣмъ не менѣе, комитетъ въ лицѣ его членовъ, Заборовскаго, Круссерова и Ядринцева, твердо отстоялъ свое мнѣніе и не согласился съ Балкашинымъ.

Горькій опытъ показалъ, къ чему привело это произвольное вырѣзываніе участков: — у киргизъ были отняты угоды, а переселенцы, столпившіеся въ области, сначала долго мыкались, а потомъ терпѣли сильную нужду, о чемъ и было заявлено въ одной официальной запискѣ, см. передовую статью въ № 40 «Вост. Обзор.», за 1885 г. Обстоятельства между тѣмъ перемѣнились. Образовалось новое степное генераль-губернаторство, и явился новый начальникъ, отлично знавшій кочевой бытъ и взглянувшій на вопросъ лучше. Но и жизнь дѣлала свое дѣло: — масса крестьянъ, вызванная правительствомъ, явилась и вздумала занять мѣста въ степи. Что было сказать противъ этого? На сколько нежелателенъ вызовъ въ мѣстности неизвѣстныя, настолько нежелательно препятствовать опытамъ водворенія русскихъ переселенцевъ, когда

они сами заявляютъ желаніе. Въ этомъ отношеніи мы были всегда сторонниками добровольной народной колонизаціи Неразрѣшенный проектъ въ теоріи, въ коммиссіяхъ, могъ быть разрѣшенъ практикой. Надо имѣть въ виду, что жизнь намѣтила даже пути разрѣшенія этого вопроса, а именно — пришедшіе переселенцы начали входить въ договоры съ киргизами, и киргизы охотно допускали это водвореніе. Прецедентъ былъ для русской колонизаціи превосходный. Изъ него могла развиться цѣлая законодательная система, причемъ интересы и кочеваго, и осѣдлаго населенія переселенцевъ могли вполне соединиться и найти выходъ при обоюдномъ согласіи. Въ это время «Восточное Обозрѣніе» взяло сторону переселенцевъ. Оно было введено только въ заблужденіе по дѣлу Елисеева совершенно случайно *).

Впрочемъ, интересы кочевниковъ никогда не упускались нами изъ виду. Тѣмъ не менѣе, статьи, ратовавшія за интересы русскаго крестьянства и русскаго населенія, вызвали разъясненія и опроверженія **). Статьи эти клонились въ сторону интересовъ кочеваго населенія. Помѣстивъ официальные заявленія, мы могли только заявить, что никогда съ этими взглядами не расходились.

Странно однако, что по временамъ появлялись въ столичныхъ газетахъ весьма сенсаціонныя заявленія о различныхъ мѣрахъ и производящихся изслѣдованіяхъ по вопросу заселенія степей русскимъ осѣдлымъ населеніемъ. Мало этого, появились ясно выраженные намѣренія объ «осѣдленіи киргизъ», руссификаціи и т. п. Что оставалось дѣлать «Восточному Обозрѣнію»? Нельзя же было оппонировать противъ выставленныхъ девизовъ и стремленій мѣстной администраціи. Иначе опять произошло бы недоразумѣніе. Дай Богъ, чтобы киргизы сдѣлались и осѣдлыми, и русскими, и европейцами, — кто этого не желаетъ? Мы вѣдь весь разговоръ вели только о томъ, какъ это сдѣлать?

Послѣднія извѣстія о томъ, что въ степяхъ образованы генераль-губернаторомъ коммиссія для того, чтобы точно опредѣлить, гдѣ возможны русскія поселенія, мы не могли игнорировать, тѣмъ болѣе, что это извѣстіе въ столичной печати получило объясненіе — особеннаго старанія усилить русскій элементъ въ степяхъ. Намъ любопытно было знать, какъ вырѣшится этотъ вопросъ, и вотъ, одинъ изъ близкихъ людей къ этому дѣлу сообщаетъ намъ, что коммиссія въ Акмолинской области пришла къ заключенію что степи удобны къ заселенію русскимъ осѣдлымъ населеніемъ, что таковыя поселенія не стѣснятъ киргизъ и т. д. рѣшеніе опять противоположное тому, которое высказано было опредѣленно въ официальной статьѣ акмолинской администраціи, а именно что по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ акмолинской области, возможности къ водворенію переселенцевъ не представляется. (№ 35, «Вост. Обзор.», за 1885 г.

Новое мнѣніе и соображеніе коммиссіи мы не могли игнорировать. Во всякомъ случаѣ мы должны были ихъ занести и занесли въ № 34, сдѣлавъ однако оговорку, въ смыслѣ нашихъ воззрѣній. Представьте же себѣ наше изумленіе, когда по поводу напечатанныхъ «извѣстій» и воззрѣній коммиссіи, учрежденной для выясненія вопроса, обрушивается на насъ если не обвиненіе, то подозрѣніе, будто мы, печатающіе мнѣнія коммиссіи, желаемъ вреда кочевому населенію. Мы получили возраженія мѣстныхъ компетентныхъ людей, и съ удовольствіемъ

*) Елисеевъ съ товарищемъ явились въ Петербургъ и выдали себя за ходоковъ и ходатаевъ крестьянъ. Желая стать на сторону русскаго населенія, редакторъ «Восточнаго Обозрѣнія» не могъ отнестись безучастно къ крестьянамъ. Елисеевъ оказался обманщикомъ, ходяки сослались, что не имѣютъ средствъ, просили оказать помощь, чтобы воротиться на родину. Имъ была оказана помощь на ихъ возвращеніе. Но едвали кто-либо поставитъ намъ въ упрекъ то, что мы приняли сторону переселенцевъ. Въ принципѣ мы были правы, а то, что насъ поэксплуатировали ходоки и прикинулись нищими, пусть это будетъ на ихъ совѣсти.

**) См. № 34 и 35 «Вост. Обзор.», за 1885 г. Разъясненіе Акмолинской администраціи, гдѣ она указывала, что степь для русскихъ поселеній неудобна.

соглашаемся, съ ними какъ по вопросу межевыхъ отрядовъ, такъ и по поводу заселенія степей. Мы также опасаемся, чтобы коммиссія, планирующая степь и стремящаяся къ ея заселенію, не впадала въ ту же ошибку, которую сдѣлалъ чиновникъ Балкашинъ.

Менѣе, чѣмъ кто-либо, мы желали, чтобы киргизы были обездолены. При изложеніи исторіи этого дѣла, выясняется, что никто болѣе энергично не выставлялъ недостатковъ регламентирующихъ проектовъ „обездоленія киргизъ“, какъ мы; по этому поводу мы имѣли войну и съ г. Балкашинымъ и друг.

Какъ прежде, такъ и теперь мы убѣждены, что интересы кочевниковъ должны быть соблюдены. Все, что скажетъ въ этомъ направленіи степная администрація, докажетъ только, насколько мы были послѣдовательны и угадали истину съ самаго начала.

ХРОНИКА.

Управляющій акцизными сборами Пермской губерніи симъ объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденного 8-го сентября 1887 года положенія комитета министровъ и согласно распоряженія господина управляющаго министерствомъ финансовъ, въ Пермской губерніи, въ городахъ Перми и Екатеринбургѣ, съ 1-го ноября сего года, будутъ открыты казенные оптовые склады вина и спирта, по одному въ каждомъ городѣ, для регулированія продажныхъ цѣнъ на вино изъ частныхъ мѣстъ выносной питьевой торговли.

Продажная цѣна на вино изъ казенныхъ складовъ назначается 5 рублей за ведро полугарнаго вина, крѣпостию 40%; при продажѣ же изъ казенныхъ ведерныхъ лавокъ, если такое будетъ признано необходимымъ открыть, цѣна на ведро вина той-же крѣпости устанавливается 5 руб. 60 коп.

Недавно возвратился въ Петербургъ начальникъ особой правительственной экспедиціи, командированной нынѣшнимъ лѣтомъ въ Семирѣченскую область на мѣсто вѣрненской катастрофы, геологъ И. В. Мушкетовъ. Въ настоящее время разрабатываются матеріалы, собранные участниками экспедиціи. Вѣрненская катастрофа вызываетъ необходимость приступить къ производству ряда наблюденій и изслѣдованій въ нѣсколькихъ пунктахъ Россіи, подверженныхъ землетрясеніямъ. Выработка особыхъ программъ для производства этихъ наблюденій возлагается на особую коммиссію, въ составъ которой приглашаются ученые и знатоки упомянутыхъ мѣстностей Россіи. Въ работахъ этой коммиссіи примутъ участіе И. Д. Черскій, Э. Ю. Петри, А. А. Тилло, Г. И. Стебницкій, И. В. Мушкетовъ, Я. В. Шмидтъ, гг. Романовскій, Краевичъ и друг.

По телеграммѣ, сообщенной въ Петербургъ, въ Вѣрномъ, 30-го октября было три такихъ подземныхъ удара, что отъ нихъ задрожалъ весь городъ.

Изъ Коканда телеграфируютъ въ газеты, что тамъ недавно пущенъ въ ходъ хлопко-очистительный заводъ средне-азіатскаго товарищества Кудринъ и комп. Сборъ хлопка хорошъ. Русскими товарами торгуютъ тихо.

Недавно вернувшимся въ Петербургъ изъ продолжительной экспедиціи въ Туркестанъ на Памиръ русскимъ путешественникомъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло привезена съ собой богатая коллекція сдѣланныхъ участниками экспедиціи разнообразныхъ снимковъ этнографическаго характера (типы мѣстнаго населенія: кара-киргизовъ, сартовъ и т. д.), снимковъ съ памятниковъ архитектуры и проч., а также 2,000-верстная съемка посѣщенныхъ мѣстностей въ пяти-верстномъ масштабѣ и опредѣленія высотъ многихъ пройденныхъ пунктовъ.

Экспедиція въ Саяны и геологъ И. А. Макаровъ въ половинѣ октября, какъ телеграфируютъ, благополучно воротились въ Иркутскъ.

Изъ Красноводска сообщаютъ, что въ южной части Закаспійской области, близъ русско-афганской границы, гдѣ расположены холмы, окружающіе Пендинскій оазисъ, открыты недавно отверстія древнихъ пещеръ, которыхъ здѣсь насчитывается до двѣнадцати. Входы въ пещеры засыпаны обломками различныхъ горныхъ породъ и пескомъ. Откопаны вполнѣ только двѣ изъ нихъ, третья же—отчасти. Первая пещера представляетъ цѣлый рядъ комнатъ, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ, сообщающихся между собою винтовыми лѣстницами. Многія комнаты соединяются съ чуланами, въ которыхъ вырыты сухіе колодцы, глубиною въ 2—3 сажени. Потолки всюду сводчатые, стѣны и двери кое гдѣ украшены нишами и карнизами. Въ стѣнахъ, на высотѣ двухъ аршинъ отъ пола, много небольшихъ углубленій, служившихъ для помѣщенія свѣтильниковъ: они закопчены. Одна изъ комнатъ, вѣроятно, служила мѣстомъ молитвы—задняя часть ея отдѣлена отъ передней барьеромъ и аркой, а въ боковыхъ стѣнахъ четыре ниши съ арками. На стѣнѣ галереи видны двѣ татарскія надписи; у входа—многочисленные изображенія рукъ и грубое подобіе креста. Другая пещера расположена на нѣсколько сажень ниже и представляетъ длинную комнату, раздѣленную барьеромъ; въ задней части ея выступъ, подобно алтарю, съ двумя ступенями. Жители въ Пенде увѣряютъ, что въ этихъ пещерахъ спасался какой-то мусульманскій святой; другіе же говорятъ, что онѣ вырыты арабами или персами; но болѣе вѣроятно то, что пещеры эти служили убѣжищемъ древнихъ христіанъ во время существованія метрополіи въ Мервѣ.

Въ воскресенье, 25-го октября, въ залѣ Императорскаго Географическаго Общества состоялось годовое общее собраніе гг. членовъ общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ, Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Лещева и началось чтеніемъ отчета о дѣятельности комитета Общества за 1886—87 годъ. Общество состояло въ отчетномъ году изъ 3-хъ почетныхъ членовъ, 5-ти членовъ-благотворителей, 356 дѣйствительныхъ и 68 постоянныхъ членовъ. Расходы общества были слѣдующіе: на выдачу 420 ежемѣсячныхъ и 107 единовременныхъ ссудъ 74 учащимся на сумму 8,640 р.; на публикаціи для пріисканія занятій учащимся 86 р., на канцелярію, типографію и госуд. сборъ съ проц. бумагъ 188 руб. Поступленій же въ отчетномъ году было на сумму 10,693 р.; въ томъ числѣ членскихъ взносов постоянныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и годовыхъ взносов на 2,731 р.; сборъ съ двухъ вечеровъ, устроенныхъ комитетомъ на 2,416 р.; съ 2-хъ публичныхъ лекцій профес. Д. И. Менделѣева и П. Ф. Лесгафта 889 р., пожертвованій на 3,715 р., проц. съ госуд. бумагъ на 532 р. 29 к. и возвратъ ссудъ на 409 руб. Въ теченіе отчетнаго года комитетъ общества имѣлъ 18 засѣданій, на которыхъ рассмотрѣно 115 ходатайствъ учащихся сибиряковъ о назначеніи имъ ссудъ и пособій. Къ 1-му октября 1887 года въ кассѣ общества по произведенной ревизіи оказалось всего на сумму 12,596 руб. 80 1/2 коп. Общее собраніе, по выслушаніи отчета, единогласно постановило выразить свою искреннюю признательность А. М. и И. М. Сибиряковымъ, Ю. П. Безановой и управляющему пріисками О. И. Базилевскаго г. Краснофѣвцеву за крупныя пожертвованія обществу, а также г. Семенову и г. Чердынцеву за устройство спектаклей въ пользу общества; высокоуважаемымъ профессорамъ с.-петербургскаго университета Д. И. Менделѣеву и П. Ф. Лесгафту за ихъ теплое участіе къ обществу; гг. литераторамъ: А. Н. Плещееву, В. И. Семеvскому, Н. М. Ядринцеву, гг. артистамъ и артисткамъ: М. Л. Кроповницкому, О. В. Матчинскому, П. И. Дьяконову, П. А. Афонасьеву, М. П. Корсакову, М. Д. Каменской, В. Л. Древянгу, Е. А. Палечекъ—за ихъ благосклонное участіе въ литературно-музыкальныхъ вечерахъ въ пользу общества; гг. В. Ф. Каменскому и И. И. Игнатову, съ готовностью доставившимъ бесплатные билеты на свои пароходы для уча-

шихся сибиряковъ, ѣхавшихъ на родину, и всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ услуги обществу. Затѣмъ, по утвержденіи предложенной комитетомъ смѣты на предстоящій годъ, приступлено было къ выборамъ членовъ ревизіонной коммисіи и кандидатовъ къ нимъ и выбору новаго предсѣдателя. Въ члены комитета были выбраны Н. М. Павлиновъ, О. А. Дейхманъ и А. И. Бевадь; въ члены ревизіонной коммисіи: И. А. Даниловъ, Н. Н. Лещевъ, А. М. Сибирякова, а кандидатами къ нимъ: Л. Ф. Пантелѣевъ, Н. И. Лукашевъ и Е. А. Толкачева. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ В. С. Ерофѣевъ.

Въ отдѣленіи этнографіи русскаго Императорскаго Географическаго Общества происходили выборы въ коммисію по присужденію наградъ, а также читались текущія дѣла и сдѣланъ былъ докладъ о литовскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Вальтеромъ. Въ этомъ же засѣданіи В. В. Радловъ доложилъ о матеріалахъ, доставленныхъ г. Припузовымъ объ якутахъ. Матеріалы заключаютъ легенды, сказанія, 80 пословицъ, до 200 загадокъ и словарь. Что касается легендъ, особенно о сотвореніи міра, о первомъ кузнецѣ, то они сходны съ легендами западныхъ татаръ и алтайцевъ, преданіе же о покореніи казаками якутовъ напоминаетъ сказаніе иртышскихъ татаръ. Хотя сказанія эти составляютъ пересказъ переводчиковъ, и не изложены по-якутски, однако они и въ этомъ видѣ не лишены интереса и могутъ быть напечатаны. Къ сожалѣнію, словарь якутскаго языка, приложенный Припузовымъ и написанный безъ надлежащихъ лингвистическихъ пріемовъ, оказался непригоднымъ. И это не первый примѣръ такой безуспѣшной затраты труда. По этому поводу В. В. Радловъ указалъ на необходимость руководства и программы, которая и составлена уже при академіи наукъ по просьбѣ А. В. Адрианова, намѣревающагося дѣлать изслѣдованія въ Нарымскомъ округѣ. Въ томъ же засѣданіи секретарь доложилъ письмомъ Н. Ядринцева на имя предсѣдателя отдѣленія, въ которомъ сдѣлано предложеніе напечатать статико-этнографическіе матеріалы о современномъ положеніи инородцевъ Западной Сибири, составленные Ядринцевымъ. Далѣе профессоръ Позднѣвъ прочелъ отвѣтъ на письмо г. Пржевальскаго, напечатанное въ «Новомъ Времени». А. М. Позднѣвъ объяснилъ, что его напрасно почтенный путешественникъ упрекаетъ въ пристрастіи, его критика трудовъ г. Пржевальскаго, напечатанная въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія», старалась фактически указать ошибки, которыхъ будущіе путешественники должны избѣгать. А. М. Позднѣвъ, изучая Монголію, сравнивалъ карты М. В. Пѣвцова, Г. Н. Потанина и Н. М. Пржевальскаго. Наконецъ, А. М. Позднѣвъ производилъ разборъ г. Пржевальскаго не случайно, а по обязанности, слѣдя, какъ профессоръ, за новыми выходящими сочиненіями о монголіи, и поэтому претензія Н. М. Пржевальскаго далеко неосновательна.

Библиографическія новости. Надняхъ нами получено изданіе западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества: петрографическій очеркъ восточной части Кокчетавскаго уѣзда горнаго инженера Анземирова съ 5 фотографическими таблицами; очеркъ включаетъ 96 страницъ. Опѣнка этой спеціальной работы подлежитъ спеціалистамъ геологамъ. Мы не думаемъ, чтобы это было единственнымъ изданіемъ западно-сибирскаго отдѣла и ждемъ выпуска его записокъ, подобно предшествовавшимъ годамъ.

Полученъ также медико-статистическій и санитарный очеркъ города Петропавловска Акмолинской области. Составленъ городовымъ врачомъ В. А. Вѣлиловскимъ, изд. въ Томскѣ, въ типографіи «Сибирской Газеты» 1887 г. цѣна 85 коп. Врачъ Вѣлиловскій сдѣлалъ весьма тщательный очеркъ г. Петропавловска, коснувшись его промышленности, состава населенія; у него сдѣланы нѣкоторые интересныя этнографическія наблюденія. Брошюра эта составляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ область мѣстныхъ изслѣдованій. Говоря о городскихъ татарахъ, врачъ свидѣтельствуетъ, что татары начали пріучаться къ водкѣ и пиву. Этому они научились у русскихъ, между которыми, къ счастью, немногіе отличаются особеннымъ умѣньемъ и искус-

ствомъ прививать именно только пошлую и развратную сторону культуры.

Въ санитарномъ отношеніи недурно бы врачамъ во всѣхъ городахъ Сибири издавать подобные годовые отчеты.

Въ «Русской Старинѣ», за октябрь, помѣщено преданіе о томскомъ отшельникѣ Теодорѣ, жившемъ на хромовской заимкѣ и приложенъ его портретъ; въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» также помѣщена о немъ замѣтка И. С. стр. 529 о немъ же было въ XI книжкѣ «Русской Старины» изд. 1886 года стр. 742—744. Эта «железная маска» Сибири такъ и остается неразъясненной. Его называютъ однимъ изъ послѣднихъ самозванцевъ. Личность эта, полагаемъ, будетъ долго интриговать историковъ.

Неутомимый основатель минусинскаго музея, Н. М. Мартыановъ, какъ пишутъ намъ, готовитъ новое изданіе, а именно—десятилѣтіе минусинскаго музея съ очеркомъ его возникновенія и тѣхъ результатовъ, какихъ достигъ онъ. Это изданіе весьма кстати, такъ какъ съ минусинскаго музея начинаютъ брать примѣры и другіе города.

Изъ Сибири выѣхалъ спутникъ профессора Аспелина, членъ финляндскаго ученаго общества, Аппельгрень. Вмѣстѣ съ профессоромъ Аспелиномъ имъ снято множество рисунковъ съ камней и минусинскихъ руническихъ надписей.

Въ «Екатеринбургской недѣлкѣ» напечатана корреспонденція Иркутска отъ 15 сентября: пріостановка единственной мѣстной газеты «Сибирь» сильно даетъ себя чувствовать даже такимъ людямъ, которые никогда никакихъ серьезныхъ статей не читаютъ; за то эти послѣдніе являются, обыкновенно, самыми ярыми и усердными читателями отдѣловъ «дневника происшествій», «слуховъ» и «новостей». И какъ же теперь печально, ихъ положеніе!.. Откуда имъ теперь узнать, кто смѣщенъ, кто перемѣщенъ, кто назначенъ, кто обанкротился, кто убитъ, кто украденъ?.. Единственный источникъ, изъ котораго они теперь жадно пьютъ—это устные преданія, или—какъ выражаются злые языки—сплетни, цѣлыми тучами циркулирующія по городу. Разобраться въ этой массѣ «самыхъ достовѣрныхъ слуховъ», и «новѣйшихъ извѣстій» весьма трудно, ибо Иркутскъ—не маленькій какой-нибудь городишка, въ которомъ всѣ жители на-перечетъ, а нѣкоторымъ образомъ столица царства сибирскаго; по сему обсужденію праздничныхъ подлещатъ: дѣятельность мѣстной администраціи, жизнь денежныхъ тузовъ, взаимныя отношенія чиновныхъ дамъ и т. п., словомъ—въ канѣ для вышиванія узоровъ недостачи нѣтъ. Въ виду всего этого, въ виду крайней легкости попасться на удочку и выдать сплетню за правду, я вамъ не сообщу на этотъ разъ ничего о здѣшней городской жизни, буду ждать, не подвинется-ли впередъ съ пріѣздомъ г. Игнатьева вопросъ о назначеніи новаго редактора «Сибиря», и если подвинется, то не уменьшится-ли количество сплетенъ и расказней, съ появленіемъ на столбцахъ газеты болѣе достовѣрной, нежели устные преданія, «хроники городской жизни»?

Пишутъ изъ Тобольска отъ 7-го октября: окончивъ рыболовный сезонъ на сѣверѣ губерніи, рыбопромышленники наши всѣ уже возвратились во свояси. По словамъ, ихъ уловъ нынѣшняго года былъ необыкновенно изобиленъ, но, къ сожалѣнію, изобиленъ только на мелкій родъ рыбы, какъ напр. сырковъ, щукъ и т. п. Такимъ образомъ, на пескахъ одного М. Д. Плотникова добыто было сырковъ до 500,000 головъ; приблизительно также вышелъ удаченъ уловъ ихъ и на пескахъ другихъ рыбопромышленниковъ. Что же касается до осетра, нельмы и даже муксуна, то сравнительно съ предшествовавшими годами, ихъ оказалось ничтожное количество, да по предположеніямъ наиболѣе опытныхъ изъ рыболововъ нельзя ожидать хорошаго улова этой рыбы и въ будущемъ году. Весьма интересно было бы знать причину этого неутѣшительнаго для нашего края факта. («Тоб. Губ. Вѣд.»).

Отзывы столичной печати о наказанномъ редакторѣ. Исторія г. Картамышева и его широкоушательныя объявленія о томъ, что онъ оставленъ томичами безъ обѣды, получили разъясненія. По этому поводу газета «Минута» восклицаетъ: «однако, хороше представить мѣстной печати, котораго исключаютъ изъ клуба и бояться пускаться на обѣды. Къ слову сказать, этотъ-же г. Картамышевъ всѣми силами всегда старался инсинуировать всю остальную сибирскую печать. Кстати, не тотъ-ли это г. Картамышевъ, котораго нѣкогда въ Кіевѣ исключили изъ числа помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ?» Отвѣчаемъ: Тотъ, тотъ!

Даровитый фельетонистъ «Новостей» г. Буква также восхвалять подвиги томскаго редактора, объясняя, что томское общество протестовало противъ присутствія г. Картамышева на обѣдѣ «изъ опасенія, что онъ, почувствовавъ себя въ «ударѣ», начнетъ жонглировать бутылками, накинеть своему сосѣду за столомъ салфетку на голову, вымажетъ себѣ «для забавы» физиономію рыбными соусами или сниметъ сапоги и пустится танцовать качучу.

«Маленькіе капризы и шалости г. Картамышева отнюдь не мѣшаютъ ему, однако, быть великимъ сибирскимъ патриотомъ (какъ себя величаетъ Картамышевъ) и пользоваться значительною литературною популярностью у какихъ-то томскихъ «тайнственныхъ незнакомокъ» — продолжаетъ г. Буква. Такъ, по крайней мѣрѣ, печатно увѣряетъ самъ г. Картамышевъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ его газеты напечатано на видномъ мѣстѣ слѣдующая «благодарственная публикація» отъ лица редактора:

«Принишу искреннюю признательность тайственной незнакомкѣ, — пишетъ г. Картамышевъ, — предупредившей меня о новыхъ козняхъ моихъ латературныхъ враговъ (sic), затѣянныхъ и снова не увѣнчавшихся успѣхомъ. Въ этомъ тайственномъ предупрежденіи, столь своевременномъ, я вижу доказательство внутренней и неразрывной связи моей газеты съ читателемъ и его скорбями. Глубоко вѣрю въ правоту представляемой мною идеи — порядка, и также надѣюсь, что Богъ не выдастъ..., а потому я буду по старому работать на пользу дорогого мнѣ края».

«Высшій юморъ этого гражданскаго документа сдѣлается для васъ очевиднымъ, если вы узнаете, что «тайственная незнакомка» извѣщала г. Картамышева о томъ, что коварные враги его готовятъ покушеніе на неприкосновенность и сохранность... ушей томскаго просвѣтителя, глубоко вѣрующаго въ правоту представляемой имъ идеи и по старому работающаго на пользу дорогого ему края». Работу эту г. Картамышевъ, прибавимъ мы, понимаетъ только весьма своеобразно.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Содержаніе. Изъ Томска. Съѣздъ томскихъ винныхъ заводчиковъ и повышение цѣны на вино. Добрая память томскихъ бѣдняковъ о бывшемъ врачѣ лечебницы, А. И. Макушинѣ. Ожидаемыя перемены въ отдѣленіи музыкальнаго общества. — Изъ Акмолинска. Ощущаемая обывателями потребность театральнаго зрѣлища. Станный ревизоръ. Удавшійся любительскій спектакль. — Изъ Ташкента. Дешевизна рабочихъ рукъ. Выносливость и честность сартовъ. Затворничество сартинокъ и открытая жизнь женъ дунгановъ. — Съ Амурска. Причина несчастій съ пароходами «Налимъ» и «Окунь». Безпорядки на большихъ почтовыхъ пароходахъ Верхне-Амурской компаніи.

Томскъ (корресп. «Восточн. Обозр.»). Въ сентябрѣ здѣсь происходилъ съѣздъ томскихъ винныхъ заводчиковъ, и на этомъ съѣздѣ было постановлено гг. заводчиками поднять цѣну на вино. Послѣ долгихъ разговоровъ было рѣшено всю виноторговлю отдать въ руки двухъ—трехъ болѣе крупныхъ заводчиковъ, а остальные же удовлетворяются отступными въ нѣсколько тысячъ рублей, каждый сообразно своимъ оборотамъ. Говорятъ, нѣкоторые заводчики получили до 20,000 руб. отступнаго. При этомъ мелкими заводчиками по условію должны быть отдаваемы свои заводы подъ винокурение тѣмъ двумъ—тремъ, которые взяли въ свои руки торговлю, если бы послѣдніе нашли это нужнымъ для себя. Съ 1-го октября это соглашеніе вошло въ силу: вино, продававшееся по 4 р. 60 к. за ведро, продается теперь по 6 руб., столовое, продававшееся по 6, теперь стоитъ 7 р.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣна на крупчатку также съ 1-го октября поднята. Первый сортъ, стоившій 8 руб. куль, продается теперь 9 р.; второй — стоившій 6 руб., продается теперь 7 р. 50 к. Какъ подобнаго рода дѣянія гг. капиталистовъ мирятся съ 913 ст. Уложенія о наказаніяхъ, и знакомы ли гг. капиталисты съ 1180 ст. того же Уложенія, намъ не извѣстно.

Здѣсь только что получены 37 № «Восточнаго Обозрѣнія» съ передовой статьей «о значеніи лечебницъ». Въ статьѣ этой проскальзываетъ видимое желаніе знать, какъ обстоятъ дѣла теперь въ томской лечебницѣ. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно близко это дѣло, и, не разбираясь въ томъ, насколько выиграла или проиграла лечебница отъ своей реорганизации въ принципѣ, можемъ только сообщить, что намъ не разъ приходилось слышать отъ бѣдняковъ восклицанія въ родѣ того: «теперь ужъ нѣтъ добраго Алексѣя Ивановича!» Однако мы вправѣ ожидать отъ нынѣ завѣдующаго лечебницей молодого врача достойнаго замѣщенія своего предшественника; какъ человѣка, мы знаемъ его лично съ очень хорошей стороны. Точно также и объ одномъ изъ его товарищей ходятъ лестныя отзывы. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ небольшомъ, но характерномъ обстоятельстве, ускользнувшемъ, кажется, отъ вниманія печати, — почтенному Алексѣю Ивановичу Макушину передъ отъѣздомъ его изъ Томска былъ устроенъ простой товарищескій обѣдъ нѣкоторыми гласными думы.

Здѣсь существуетъ, какъ извѣстно, отдѣленіе музыкальнаго общества. Говорятъ, что въ послѣднее время въ немъ произойдутъ нѣкоторыя перемены къ лучшему. Перемены эти весьма желательны. А то дѣйствительно въ составъ этого общества вошли лица, которымъ было бы гораздо приличнѣе распѣвать чувствительные романсы гдѣ нибудь въ изолированныхъ отъ порядочнаго общества помѣщеніяхъ, чѣмъ на эстрадѣ музыкальнаго зала. Какой-нибудь, напримѣръ, сосланный жуликъ и шулеръ, подвизался наравнѣ съ почтенными личностями въ этомъ обществѣ. Мнѣ шутя говорилъ по поводу этого одинъ знакомый «выходить, знаете ли пѣть, а сами за карманы держатся, потому ничѣмъ не гарантированы, что твой платокъ останется цѣль, когда рядомъ стоитъ такой-то». Да, томское общество вообще не всегда отличается нравственною брезгливостью въ своихъ отношеніяхъ къ знакомству съ различными темными личностями. Такъ, напримѣръ, становится непонятнымъ, почему эта дума выбираетъ въ попечители училищъ (Владимірскаго) извѣстнаго скандалиста, изгнаннаго изъ членовъ здѣшняго собранія, человѣка, котораго или избѣгаютъ или боятся, зная его безцеремонныя приемы въ отношеніяхъ къ другимъ?.. Намъ кажется, что пониженіе нравственнаго уровня въ томскомъ обществѣ и утрата всякаго чувства собственнаго достоинства объясняется тою же уголовною ссылкой. Общество при своемъ неразвитіи не въ состояніи просто положить предѣлъ появленію этихъ личностей въ обществѣ. Вотъ старшины вновь образовавшагося ремесленнаго клуба очень кстати для томской жизни выработали одинъ изъ §§ устава для своего общества, которымъ запрещается вступленіе въ число членовъ клуба лицамъ, исключеннымъ изъ членовъ подобныхъ же общественныхъ собраній.

Акмолинскъ (корресп. «Восточнаго Обозрѣнія»). Совершенно вѣрно было сказано, что нашъ городъ — блаженная страна, въ которой только и возможно было приобрести театръ за 100 р. Но еще удивительнѣе то, что существуетъ потребность въ театрѣ въ такомъ городѣ, какъ Акмолинскъ, находящемся въ центрѣ киргизской степи съ ея кочевымъ, полу-дикимъ населеніемъ. Про насъ говорятъ, что мы живемъ на краю свѣта, и это вѣрно, если необходимо принадлежностью нашего вѣка считаютъ почтово-телеграфныя пути, которые въ нашемъ градѣ оканчиваются, что, впрочемъ, представляетъ нѣкоторую выгоду чиновному люду, а именно — какой-бы страшный ревизоръ ни фхалъ къ намъ, пока онъ доскачетъ, мы успѣемъ узнать, какъ и что онъ думаетъ сдѣлать, а это вѣдь не мало важно. Напримѣръ, былъ такой случай въ сосѣднемъ съ нами городѣ. Узнали тамъ, что ѣдетъ ревизоръ и везетъ нѣсколько головъ сахару. Стали горожане разсуждать, ужъ не подвохъ ли тутъ какой, не аллегорія ли какая! — Положимъ, говорили они, сладости у насъ не много, но, все-таки зачѣмъ же ревизору столько сахару? — Стали опасаться; однако, честь-честью приняли ревизора, какъ слѣдуетъ. Обревизовалъ онъ, что полагается, видитъ, что и комаръ носу не подточитъ, потому что народъ былъ дошлый въ этомъ городѣ. Тогда сталъ ревизоръ думать, какъ бы другимъ манеромъ постричь горо-

жанъ, и удумалъ пригласить ихъ къ себѣ на преферансъ. Приказалъ онъ своему квартирному хозяину Ахметкѣ приготовить водочки, закуски, однимъ словомъ, по положенію; Ахметка закинулся, было, о расходахъ, да увидалъ головы сахару—испугался и купилъ все на свои деньги. Собрались вечеркомъ гости, сѣли за карты, ревизоръ и давай ихъ пугать,—каждую сдачу все десять безъ козырей объявляетъ, полагая, что партнеры его, какъ народъ дикій и пугливый, побоятся вистовать; анъ, не тутъ-бы было,—они его начали подлавливать, то безъ трехъ, то безъ пяти оставлять. Кончили игру—видитъ ревизоръ, что если отдать проигрышъ, то и домой не доѣдешь; вотъ онъ и давай сахаромъ расплачиваться. Вы сколько, бишь, выиграли? Столько-то. Ну, вотъ вамъ фунтъ сахару. А одному такъ цѣлая голова досталась. И что жъ бы вы думали? Вѣдь, забрали сахаръ-то ревизорскій! Вотъ какой здѣсь народъ необразованный и, можно сказать, непокорный... Недавно этого самого ревизора назначили въ тотъ же городъ начальникомъ. Приѣзжаетъ онъ и спрашиваетъ: „ну, что, сѣли мой сахаръ?“ Горожане трепещутъ. Ну, подождите, говоритъ онъ, теперь я вамъ задамъ перцу.—А то былъ другой ревизоръ, еще страннѣй того. Приѣхалъ онъ уже въ нашъ городъ и, какъ человѣкъ опытный, сейчасъ же потребовалъ къ себѣ кассу на повѣрку. Оказалось все вѣрно. Только видятъ, что послѣ повѣрки ревизоръ сталъ дѣлать покупки на значительную сумму,—усумнились горожане: откуда у ревизора деньги, когда онъ раньше жаловался на безденежье. На всякій случай провѣрили свою кассу—хватъ, нѣсколькихъ сторублевокъ не хватаетъ. Въгудъ къ ревизору,—такъ и такъ, дескать, не прилипло ли какъ, ваше высшество, къ вашимъ рукамъ.—Что вы, говоритъ ревизоръ, какъ это можно; а, впрочемъ, вотъ вамъ половину, а остальные денежки, какъ знаете, доставайте. Вотъ какъ нашу блаженную страну нажимаютъ. Все это не мѣшаетъ намъ блаженствовать и разыгрывать драмы и водевили въ нашемъ 100 рублевомъ театрѣ. 100 рублей-то, впрочемъ, было ассигновано только городомъ, а на самомъ дѣлѣ за театръ, или вѣрнѣе за сарай, заплачено 50 съ чѣмъ то рублей. Въ числѣ нашихъ актеровъ любителей не мало найдется представителей купеческаго сословія, безъ участія котораго, въ виду незначительности у насъ людей чиновнаго класса, врядъ ли бы и могло что нибудь состояться. 30 Августа наши горожане имѣли удовольствіе присутствовать на спектаклѣ, данномъ любителями. Была поставлена драма Карѣва „Роковой шагъ“ и водеvilъ „Вѣдовая бабушка“, а въ заключеніе всѣми артистами, одѣтыми въ русскіе костюмы, былъ пропѣтъ народный гимнъ. Валовой сборъ былъ около 100 руб., что для нашего театра порядочная сумма. Не смотря на плохую обстановку, невозможную музыку и недостатокъ многихъ вещей, какъ на примѣръ рояля, драма прошла такъ гладко и мѣстами даже такъ увлекательно, что могла бы доставить удовольствіе зрителю, видѣвшему эту пьесу на первоклассныхъ сценахъ. Устройство театра и спектаклей въ такой глуши, какъ Акмолинскъ,—огромная заслуга нашихъ любителей—актеровъ, заслуга, достойная поощренія.

Ташкентъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія.“). Считаю не лишнимъ сказать о дешевизнѣ рабочихъ рукъ, но здѣсь опять тогда придется говорить о сартахъ, о которыхъ я уже и такъ говорилъ достаточно. Дороже 30 коп. нѣтъ поденщины, а то и 25, 20, 15 даже. Сартъ за 40—50 коп. въ сутки готовъ въ отѣздъ со своимъ харчемъ; возвращеніе на свой счетъ онъ въ расчетъ не беретъ. На пищу неприхотливъ,—купить на 4—5 к. дынь, на 2—3 к. сартовскихъ лепешекъ (онѣ по 1/2 к. штука), изрѣдка на 5 к. баранины, и сытъ день. Какъ видите, у него даже отъ 15-ти к. сбереженіе. По окончаніи работы вдали отъ дома, онъ возвращается всегда пѣшкомъ: веселъ—поетъ... Поетъ, надо сказать, сартъ крайне дурно, точно его давятъ—реветъ... Вообще, на подобный мелкій, существованія ради, заработокъ у сарта полное отсутствіе (жадности) алчности. Въ степи, въ пустынь, какъ отраднѣйшій отдыхъ путнику, существуютъ такъ называемые караванъ-сарай, совсѣмъ на иныхъ, не спекуляторскихъ началахъ, не то что у насъ постоянные дворы. За стоянку, собственно, ничего не берется, хоть мѣсяцъ живи. Весь расчетъ на то, что возьмете для лошадей,—клеверу, ячменю, или для себя что-либо... Никогда съ васъ не сдеретъ сартъ, содержатель караванъ-сарая, дикой пошлыны, пользуясь случаемъ, какъ это продѣлываютъ русскіе по пикетамъ по этой же самой степи—пустынь. Такъ называемый арбакенъ, воловой изво-

щикъ въ городѣ, разъ онъ нанятъ, бережетъ не только отъ воровъ ваше имущество, но и тщательно хранитъ его, закрываетъ отъ пыли, дождя, вообще къ своей обязанности крайне внимателенъ. Должно сказать, арба, только не киргизская (разница громадная), а сартовская—весьма удобный экипажъ для перевозки товаровъ и передвиженія по степи, изрытой часто множествомъ арыковъ безъ мостовъ. Кромѣ того, что громадный діаметръ колеса самъ по себѣ дѣлаетъ арбу способной перекатиться черезъ арыкъ, кочки ощущаются не столь тряско, и экипажъ не столь вязнетъ въ топкахъ; ободъ колеса о твердый грунтъ обыкновенно больно мшарится, отчего сотрясенія, толчки мягки, точно колесо обтянуто гуттаперчей... Живо у меня еще пріятное, отрадное впечатлѣніе объ этихъ оазисахъ, караванъ-сараяхъ среди пыльной, палящей, голой степи. Мастера же и сарты ихъ устроили, приспособили для отдыха путешественника, его животныхъ—лошадей, верблюдовъ или ословъ и воловъ. Диссонансомъ лишь здѣсь опять затворничество сартянокъ бѣдныхъ... Здѣсь, въ степи, ихъ положеніе еще хуже, тутъ она уже и въ единственное маленькое оконце *) въ своей конурѣ никого и ничего не видитъ. Она лишена даже удовольствія созерцать непрѣмный садъ, насаженный собственно для благодущества сарта, для его гулянья, чаепитія, бесѣды съ друзьями; жена же садомъ никогда не пользуется, она вѣчно въ своей конурѣ, а днемъ еще и на замкѣ. Удивительно,—рядомъ съ сартомъ живетъ воинственное, страшно враждующее съ китайцами племя, Дунгане, у котораго напротивъ, садикомъ—цвѣтникомъ занимается жена... Эти женщины любятъ яркіе цвѣты, зелени имъ не нужно; красный, оранжевый, синій и другихъ окрасокъ цвѣты ей необходимы для букета, который она постоянно держитъ въ рукахъ, понюхиваетъ и закрывается имъ отъ солнца. Онѣ ходятъ открытыми не какъ бѣдныя сартянки; на ногахъ держатся крѣпко, пѣшкомъ ходятъ бодро; не носятъ поланкиновъ, какъ китайки, хотя ножка и у Дунганки маленькая,—вѣроятно, съ ними продѣлываютъ то же что и съ ногами китайскихъ малютокъ.

Съ Амура (корресп. „Восточн. Обзор.“). Два несчастія съ пароходами „Налимъ“ и „Окунь“, лѣтомъ нынѣшняго года, доказали, до чего безалаберно относятся къ своему дѣлу пароходо-владѣльцы и лица, ежегодно наряжаемыя (?) для осмотра сомнительныхъ по исправности пароходовъ. Изъ личнаго осмотра пострадавшаго отъ взрыва котла парохода „Окунь“ я вынесъ то заключеніе, что еще надо удивляться, какъ долго могъ существовать котелъ, у котораго всѣ заклепки перержавѣли и полопались, и самая стѣнка котораго сплошь разѣдены ржавчиной. Только благодаря такому состоянію котла взрывъ не имѣлъ болѣе ужасныхъ послѣдствій. Дѣйствіемъ взрыва котелъ сорванъ съ постаментъ и выброшенъ чрезъ тонкую стѣнку въ машинное отдѣленіе. Топки и передней стѣнки котла не осталось слѣда, толстые колосники превращены въ куски, дымовая желѣзная труба сорвана. Изъ четырехъ человѣкъ пострадавшихъ умеръ моментально только одинъ. Пароходъ принадлежалъ Буянову и Лукьянову (молокапамъ г. Благовѣщенска).

Второй пароходъ, „Налимъ“, сгорѣлъ до основанія въ 2 саженьяхъ отъ берега въ г. Благовѣщенскѣ. Всѣ служащіе гуляли въ городѣ, на пароходѣ оказался только одинъ матросъ вахтенный, спавшій сномъ праведника, и едва спасенный изъ пламени. А сколько еще ползаетъ по Амуру пароходовъ—самой подозрительной благонадежности. Даже на большихъ почтовыхъ пароходахъ Верхне-Амурской компаніи, получающей солидную правительственную субсидію—царятъ непростительныя неурядицы. Такъ, пристанскія кассы выдаютъ билеты пассажирамъ безъ всякаго соображенія съ числомъ имѣющихся на пароходахъ мѣстъ—въ особенности 3-й классъ наполняется иногда до того, что по отходѣ парохода отъ пристани немисливо пробраться между массой народа и багажа по нижней палубѣ. Пассажиры всѣхъ возрастовъ толпятся день и ночь на ногахъ, не имѣя возможности лечь; женщины, иногда съ большими дѣтьми на рукахъ ютятся у самого борта, обдаваемые мелкою, холодною водяною пылью и обсыпаясь искрами изъ пароходной трубы. Цѣлая волна воды окатываетъ пассажировъ 3-го класса и ихъ вещи, при поворотахъ парохода. Багажъ и разные товарные транспорты принимаетъ на пристаняхъ одинъ приказчикъ,—на при-

*) Такъ какъ окно никоимъ образомъ не должно смотрѣть въ садъ, гдѣ обыкновенно гуляютъ и бесѣдуютъ мужчины.

есть назначается 5—10 часовъ; при большихъ транспортахъ и многихъ пассажирахъ, публика, въ особенности дамы, должны толпиться по цѣлымъ часамъ въ пыльномъ багажномъ отдѣленіи, чтобы добыться сдачи своихъ вещей.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ.

IV.

С. Ужуръ, Ачинскаго округа.

медицина.

Таковы уже свойства всякой наболѣвшей неурядицы, въ томъ числѣ и деревенской;—что достаточно бываетъ малѣйшаго повода, чтобы она обнаружилась передъ вами во всю свою ширину и глубину, предоставляя вниманію наблюдателя остановиться на любой изъ своихъ частностей...

Въ началѣ февраля настоящаго года въ описываемомъ мною селѣ былъ пожаръ,—это грозное и вмѣстѣ съ тѣмъ обычное явленіе деревни, противъ котораго, скученная въ своихъ постройкахъ изъ легковоспламеняющагося матеріала и обложенная кругомъ сѣномъ, соломой, лѣсомъ, дровами и назъмами,—она беззащитна; сгорѣли—домъ съ надворными строеніями, 2 лошади и 4 овцы. Захваченные пожаромъ въ глубокую полночь, сами хозяева едва не сдѣлались жертвами пламени; одинъ изъ мужиковъ погорѣвшей семьи былъ сильно обожженъ. Однообщественники, несмотря на обширную практику помочей для вывозки строеваго лѣса, удивляются, когда ихъ спрашиваютъ, намѣрены-ли они устроить подобную же помочь погорѣвшему двору.—„У насъ этого не водится“.... Другаго отношенія къ погорѣвшимъ трудно было и ожидать—разъ въ силу общихъ условий мѣстной жизни помочи давно уже не мыслимы для мѣстнаго крестьянина безъ взаимности и угощенія. Съ другой стороны, фельдшеръ вмѣсто того, чтобы взять этого обожженнаго и сдѣлавшагося бездомнымъ мужика въ свою „лечебницу“, отдѣлался однимъ пустымъ совѣтомъ. Последнее весьма понятно, потому что, хотя на „лечебницу“ и расходуется изъ мірскихъ суммъ ежегодно 240 р., но таковой въ дѣйствительности вовсе не существуетъ; существуетъ лишь фельдшерская квартира, куда население иногда обращается за совѣтомъ и лѣкарствами и, конечно, не даромъ, хотя на лѣкарства фельдшеру ежегодно выдается по 50 р. (при жалованіи въ 300 р. и готовой квартирѣ съ „ходомъ“,—все на счетъ общества). Аптечка частенько не только не пополняется по цѣлымъ мѣсяцамъ въ своихъ самыхъ необходимыхъ медикаментахъ, но и нерѣдко подолгу остается совершенно израсходованной. Да и вообще самое существованіе аптечки можетъ быть подвергнуто большому сомнѣнію, и деньги, которыя иногда берутся отъ пациентовъ будто бы для приобрѣтенія для нихъ лекарствъ, не даютъ пациенту взаимѣ ничего. Вообще же фельдшеръ существуетъ только для тѣхъ, кто можетъ ему хорошо заплатить, и для кого угодно, только не для крестьянъ, на счетъ которыхъ онъ живетъ. Я не стану иллюстрировать отношеній фельдшера къ послѣднимъ; но чтобы дать понять, до чего доходятъ эти отношенія, приведу одинъ изъ многочисленныхъ разсказовъ объ одномъ изъ прежнихъ фельдшеровъ, по словамъ его какимъ то чудомъ уцѣлѣвшихъ пациентовъ. Именно,—установленъ былъ какъ бы обычай—платить фельдшеру прежде всего за его согласіе лѣчить пациента. Последній, еще не видя фельдшера, передавалъ его женѣ 2 мѣшка пшеницы, вмѣстѣ съ тѣмъ униженно прося ее хлопотать у мужа, не согласится ли тотъ полѣчить его. Жена, спустя нѣкоторое время, выносила резолюцію; „согласенъ, если дашь еще мерлушку“... (ибо по недолгомъ соображеніи супруги вспоминали, что у пациента есть прекрасная мерлушка). Уже только послѣ этого предисловія, стойваго пациенту пяти руб., давался совѣтъ и лѣкарства; то и другое оцѣнивалось особо. Да еще какъ оцѣнивалось-то! При всемъ

томъ, вмѣсто лѣкарства нерѣдко давался за немалыя деньги просто кирпичъ, истолченный въ порошокъ и тщательно завернутый въ бумажку... Врачей же здѣсь никто никогда и не видитъ. Развѣ разъ-два въ годъ и на нѣсколько дней, случайно или „по своему дѣлу“, заѣдетъ какой-нибудь изъ ачинскихъ врачей. Вотъ другое дѣло, когда въ 85—86 гг. была чума, истребившая въ одномъ Ужурѣ до 700 головъ: тогда время было „интересное“,—нужно было давать пропускныя свидѣтельства цѣлымъ транспортамъ зачумленныхъ кожь, и врачу въ кругу „своихъ“, т. е. всевозможныхъ загрибистыхъ лапъ, можно было похвастаться отмытымъ гешефтомъ на счетъ этого народнаго бѣдствія. Вотъ другое дѣло, когда „поселенскій сынъ“, напр., просить „по неспособности къ работѣ“ объ освобожденіи отъ податей („выйти на пропитаніе“); тогда врачъ руководствуется размахомъ суммы, предложенной ему просителемъ, а не безотносительными къ этой суммѣ медицинскими данными освидѣтельствующаго, и, конечно, радъ такой „практикѣ“. „Предложеніе“ обыкновенно предшествуетъ формальному освидѣствованію въ присутственномъ мѣстѣ. Иногда приходится торгъ: если, положимъ, мужикъ принесъ только пудовъ 10 пшеницы, требуется надбавка руб. въ 5 (итого—15 р.). Удовлетворившій аппетитъ доктора получаетъ (если онъ совершенно здоровъ) подробное наставленіе о томъ, въ какомъ мѣстѣ въ моментъ формальнаго освидѣствованія должна быть боль, когда и при какихъ условіяхъ свидѣтельствуемый долженъ охатъ и т. п., и, конечно, всегда признается неспособнымъ къ работѣ. Дѣйствительно же больной человекъ, но не принесшій доктору предварительной дани, вопреки очевидной неспособности къ работѣ, быстро, почти безъ осмотра, объявляется способнымъ къ ней... Въ Ачинскомъ округѣ есть еще врачъ, но... онъ не скрываетъ своего недовѣрія къ медицинѣ.

А между тѣмъ медицинская помощь здѣсь настоятельно нужна. Эпидеміи коклюша, кори, оспы*), разгуливаютъ свободно, унося сотни маленькихъ жизней ежегодно. Есть семьи, гдѣ одинъ за другимъ рождалось и умирало по шести человекъ дѣтей; семьи, которыя половину народившагося своего молодого поколѣнія считаютъ въ числѣ мертвыхъ, очень часты. Трудно найти семейство, гдѣ бы не было золотухи; эта болѣзнь здѣсь считается какъ бы обязательной для каждаго ребенка. Горячки, чахотка, ревматизмъ, горловые и глазныя болѣзни также очень обыкновенны. При существующемъ медицинскомъ персоналѣ и существующей организаціи медіцинской помощи нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ случаяхъ заболѣванія населеніе обращается предварительно (и предпочтительно) къ разнаго рода „бабушкамъ“ и знахарямъ, и только если они не помогутъ и не уморятъ, къ фельдшеру или къ какому-нибудь самозванному „доктору“, обыкновенно изъ ссыльныхъ, умѣющему только, напр., при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ „кровь пущать“. Какого-нибудь новаго человека, заявившаго себя однимъ-двумя удачными опытами леченія, пациенты будутъ просто осаждать, пріѣзжая иногда изъ-за 60—80 верстъ. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше этотъ лѣкарь похожъ на знахаря, тѣмъ больше будетъ къ нему довѣрія*). Методы леченія „бабушекъ“ и знахарей очень своеобразны (про деревенскихъ повитухъ разсказываютъ ужасы, о которыхъ было бы слишкомъ долго распространяться). Отравленіе дѣтей опиѣмъ (маковыми головками)—обыкновенное средство противъ боль-

*) Даже на взрослыхъ. Оспопрививаніе не помогаетъ уже потому, что совершается неумѣло и небрежно, да и негодной матеріей. Въ оспопрививатели съ грошомъ жалованьемъ выбираютъ, обыкновенно, мужиковъ, неспособныхъ ни къ какой другой общественной повинности.

*) Интересующимся попыткой доктора Таирова (см., напр., «Рус. Вѣд.» 1878, № 92) я могъ бы доказать фактами личнаго наблюденія,—что подобная попытка, напр., въ с. Ужурѣ имѣла бы еще болѣе блестящій успѣхъ, чѣмъ какимъ увѣчался опытъ г. Таирова. Большая зажиточность населенія, большая нужда въ медіцинской помощи и мѣйшая предубѣжденность къ барину, интеллигенту (у сибиряковъ-крестьянъ есть свой «баринъ»),—вотъ главныя условія, на которыхъ былъ бы основанъ подобный успѣхъ.

шинства дѣтскихъ болѣзней. Кромѣ того, дѣтей «носятъ на зарю», чтобы прогнать „полуношника“, не дающаго спать ребенку; лѣчатъ „противъ озѣвыванья („озѣвалъ кто нибудь“, „сглазилъ“). Противъ опухолей, ранъ, — лучшее средство — „очерчиваніе“ больного мѣста. Есть, впрочемъ, и болѣе сложные методы лѣченія. Такъ напр., одинъ знахарь, пользующійся извѣстностью на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности, слѣдующимъ образомъ лѣчилъ 14-ти-лѣтняго мальчика, страдавшаго общимъ худосочиємъ, и не по лѣтамъ малорослаго. Онъ поставилъ своего пациента къ дверной колодѣ, надъ его головой просверливъ въ колодѣ дыру; затѣмъ, обрѣзавъ у мальчика ногти на обѣихъ рукахъ и крестообразно волосы, замявъ все это въ кусочекъ воску и, залѣпивши имъ дыру, объявилъ, что пациентъ вылѣченъ...А вотъ рядомъ съ этимъ глубокимъ невѣжествомъ молодой, университетски-образованный врачъ изъ страшной родной бѣды дѣлаетъ себѣ недурной гешефтъ!...

Карымовъ.

О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХЪ ОТРЯДАХЪ.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ.

Прочитавши въ передовой статьѣ, помѣщенной въ № 34 издаваемого вами „Восточнаго Обозрѣнія“ за настоящій годъ, извлеченія изъ доставленной вамъ корреспонденціи, я позволю себѣ, въ видахъ возстановленія правды, болѣе соотвѣтствующей дѣйствительности, сообщить вамъ слѣдующія разъясненія:

Переселенческій отрядъ „учрежденъ“ съ начала 1885 года, съ подчиненіемъ его мѣстному управленію государственными имуществами, слѣдовательно, общее направленіе всей дѣятельности отряда не можетъ зависѣть отъ него самого, какъ учрежденія подчиненнаго и связаннаго различными предписаніями, предложеніями, соглашеніями и проч. и проч. Зависимость эта при извѣстныхъ отношеніяхъ, вытекающихъ исключительно изъ личнаго настроенія лицъ управленія и ихъ принциповъ, если таковые бываютъ на-лицо, можетъ, не стѣсня дѣятельности подчиненнаго, ставить только его въ опредѣленную градацію чиновной іерархіи; но можетъ вполне и во всемъ обезличить его и превратить учрежденіе только въ безотвѣтную частицу административной машины. Возможно-ли, при послѣднемъ положеніи, требовать даже отъ цѣлаго учрежденія какой-либо живой дѣятельности и отвѣтственности, когда видишь, что это—трупъ, въ которомъ сердце перестало биться и обновлять кровь, переливающаяся изъ венъ въ артеріи. Въ нашей далекой Сибири — странѣ громадныхъ личныхъ уполномочій и возможнаго произвола, все почти постигаетъ, въ концѣ концовъ, послѣдняя доля. Намъ, кореннымъ сибирякамъ, ветхозавѣтная библейская картина поля, усыяннаго мертвыми костями, хорошо знакома; только мы очень рѣдко видимъ, чтобы эти кости оживали и покрывались кожей и мускулами и превращались въ живаго человѣка, котораго можно было подвергнуть полной отвѣтственности.

Такое пришибленное настроеніе не позволяетъ намъ, прежде всего, произносить быстрыхъ и окончательныхъ приговоровъ при первомъ взглядѣ на дѣятельность каждаго новаго хорошаго учрежденія, если только мы видимъ въ немъ хотя нѣсколько хорошихъ начинаній, борющихся съ мертвымъ теченіемъ, и всегда твердо надѣемся, что эти хорошія начинанія, при энергіи и стойкости руководителей, пробьютъ постепенно себѣ путь и будутъ жить на пользу нашего роднаго края.

Изъ указанной-же статьи можно видѣть, что дѣятельность отряда была и въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ не бесполезна, хотя и для „ничтожной части переселенцевъ“. А въ

нынѣшнемъ году, третьемъ по счету, прибавимъ отъ себя, дѣятельность отряда будетъ, вѣроятно, полезна и для весьма многихъ, потому что нынѣ переселенцы сами выбираютъ земли, осматриваютъ ихъ, подаютъ заявленія и имъ сейчасъ же нарѣзывается участокъ и сдается въ пользованіе, на правахъ частныхъ арендаторовъ за ничтожную плату.

Корреспондентъ, видимо непосредственно знающій (sic) положеніе отряда, почему-то не открылъ своихъ картъ и не показалъ себя *et tutti quanti*, а послѣднее много-бы обнаружилъ изъ дѣятельности различныхъ культуртрегеровъ наѣзжихъ. Можетъ-ли вообще работать солидарно и съ успѣхомъ какое-либо учрежденіе, въ которомъ есть и старые землемѣры, и военные топографы, и кондуктора съ желѣзныхъ дорогъ, и уфимскіе дѣлители башкирскихъ земель, и евреи, и въ частности, слишкомъ мало лицъ, знающихъ районъ своихъ работъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ единицъ, трудящихся на пользу своего края.

Какіе возможны бываютъ случаи въ мѣстныхъ учрежденіяхъ на отдаленныхъ окраинахъ, можетъ пояснить вѣскольکو слѣдующій фактъ: одинъ изъ „чиновъ“ обнаружилъ въ теченіе первыхъ-же двухъ лѣтъ незнаніе дѣла и нѣкія неблагоприятныя поползновенія закусывать изъ казеннаго пирога внѣ указанныхъ законовъ предѣловъ, за что и былъ, говорятъ, устраненъ ближайшимъ руководителемъ отъ дѣла; произведены были пересѣмка земель и дознаніе, что подтвердило то и другое. Поднялся шумъ, бѣготня, просьбы, и нашлись повыше защитники и дали этому „чину“ новую и почти самостоятельную работу, для возможнаго его оправданія на законномъ основаніи и для очевиднаго обнаруженія справедливости русской пословицы: „Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ“ или „сосунцы всегда гладко живутъ“. (Sic).

Передаю въ настоящемъ письмѣ только внѣшнюю сторону, очевидную для многихъ, не касаясь внутренней дѣятельной постановки дѣла; для послѣдняго не имѣю достаточныхъ свѣдѣній и уполномочій со стороны слишкомъ скромныхъ руководителей дѣла.

Аборигентъ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Среди послѣднихъ книжекъ толстыхъ журналовъ октябрьскій номеръ „Наблюдателя“ отличается разнообразіемъ содержанія. Продолжая, по обыкновенію, знакомить русскую публику съ новѣйшими произведеніями иностранной литературы, „Наблюдатель“ оканчивается въ этой книжкѣ психологическій романъ молодого итальянскаго писателя—Луиджи Капуана, помѣщаетъ продолженіе „Невѣсты Нила“ Эберса, и изъ французской литературы даетъ мѣсто двумъ именамъ (Жоржа Онэ и Шарля Ломона), причемъ ей же, по преимуществу, посвящается и статья „Очерки иностранной литературы“, касающаяся парижской злобы дня—раскола среди натуралистической школы, и обрисовывающая выдѣлившіяся во французскомъ литературномъ мірѣ группы—порнографическую и „декадентства“ („l'école décadente“).

Изъ произведеній русскаго пера помѣщены: романъ Немировича-Данченко, статья г. Чуйко, интересное изслѣдованіе о „галлофобіи въ нашей литературѣ прошлаго вѣка“ и бытовая хроника „Золотопромышленники“—Мамина, о которой скажемъ нѣсколько словъ.

Насколько намъ извѣстно, это первый опытъ г. Мамина въ области драматическихъ произведеній, и опытъ не неудачный.

Въ яркихъ сценахъ предъ нами разворачивается знакомая намъ (по Островскому) жизнь, могучая, богатая здоровьемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ—дикая, мрачная, невѣжественная; жизнь, вполне непосредственная, руководима лишь инстинктами и страстями, ничѣмъ несдерживаемыми, и потому богатая драматическими моментами, представляющими благодарный матеріалъ для сцены. Здѣсь, какъ и въ ветхозавѣтномъ москов-

скомъ купечествѣ, самодурство и юродничанье перемѣшано съ нѣжнѣйшими семейными привязанностями, съ голубиной кротостью и душевной чистотой, но съ тѣмъ, однако, мѣстнымъ колоритомъ, который распространяетъ на средѣ золотопромышленная подкладка. Золото, про которое одно изъ дѣйствующихъ лицъ, старенькая Мосевна, говоритъ, что „на гибель оно“, что „оно, золото-то, какъ болѣзнь какая, привяжется“ и что „отъ него иной человѣкъ самъ не свой дѣлается. Рѣжутъ ножами изъ-за золота-то, одни рѣжутъ, а другіе плачутъ“, это золото придаетъ азартный, разбойничій оттѣнокъ золотопромышленному быту. Быстрые переходы отъ нищеты къ богатству и обратно, и постоянно чужіе милліоны передъ глазами—вотъ условія всякой азартной игры, а въ томъ числѣ и золотого промысла, гдѣ, безъ труда и знаній владѣльца, богатство истекаетъ прямо металломъ изъ клочка земли, удачно купленного, ловко захваченнаго или хитро украденнаго. Вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фонъ, по которому г. Маминъ вывелъ свои фигуры—раззорители, водящаго хлѣбъ-соль съ раззоренными; дочери, выходящей изъ-за личныхъ расчетовъ замужъ за врага своей семьи; ограбленнаго сюрпризомъ, но неунывающего богача, увѣреннаго въ предстоящемъ своемъ столь же внезапномъ разбогатѣніи, и наконецъ,—окалачивающагося среди нихъ „аввоката“.

Но, къ сожалѣнію, неожиданная „покаянная“ развязка лишаетъ произведение его художественной законченности. Она невольно наводитъ на мысль о подражаніи извѣстной толстовской драмѣ, такъ какъ не только не вытекаетъ логически изъ всего предыдущаго дѣйствія, но обрываетъ его самымъ негармоническимъ диссонансомъ. Читатель остается въ недоумѣніи, какъ разберутся дѣйствующія лица, чтобы упорядочить свои отношенія, ибо покаяніе Засыпкина ничего не разрѣшаетъ. Эта путаница во внѣшней фабулѣ имѣетъ своимъ основаніемъ нелогичность психологическаго построения, она указываетъ на отсутствіе, необходимой въ художественномъ произведеніи, строгой выдержки характеровъ.

Есть натуры роковымъ образомъ трагическія, вслѣдствіе своей дикой необузданности. Для ихъ безграничнаго произвола никакой компромиссъ невозможенъ. Отреченіе отъ своихъ безумно-страстныхъ, порой свирѣпыхъ, желаній для нихъ немыслимо, иногда вопреки собственному сознанію. И если, подавленный вѣстрой духовной силой или потрясающимъ стеченіемъ событій, они напускаютъ на себя истерическую блажь самопожертвованія, они на утро-же оплачиваютъ ее или новымъ разгуломъ, или цѣной своей жизни. Раскаяніе, порывистое и мимолетное, еще для нихъ возможно, но искупленіе—имъ недоступно. Облеченныя властью и силой, онѣ развертываются во всемъ своемъ ужасѣ. Таковъ былъ царь Иванъ Грозный. Въ меньшемъ масштабѣ, таковъ интеллигентный Свидригайловъ (въ „Преступленіи и Наказаніи“), и глубоко правдивъ трагическій исходъ его столкновенія съ Дунечкой; таковъ и невѣжественный Засыпкинъ. Такъ что, допустивъ даже реальность и искренность его порыва, при видѣ несчастія любимой дочери, мы должны бы ожидать отъ него и свидригайловскаго конца—самоубійства. Но авторъ исключаетъ возможность такого исхода, заставляя Засыпкина произносить такіа финальныя слова: „Мой грѣхъ... простите...“ При такомъ смиреніи не убиваютъ себя и заурядные смертные, а не то что эти нераскаянные грѣшники.

Изъ всѣхъ, возможныхъ здѣсь, исходовъ авторъ избралъ самый невѣроятный. Его искусила ширь русской натуры, вмѣщающей въ себѣ крайности порока и добродѣтели, и онъ упустилъ изъ виду, что самоказненіе разгула и самодурства, возможное въ Москвѣ или въ деревнѣ, гдѣ еще тяготѣетъ руководство „Бога“, немыслимо въ Зауральѣ, подъ безпринципную власть „золотого тельца“. Отвлекаясь въ сторону чертъ общерусскихъ, авторъ пренебрегъ въ своей связкѣ мѣстными особенностями, столь точно соблюденными имъ при предыдущемъ развитіи дѣйствія, и обуславливающими дѣйствительную стоимость и интересъ его произведенія.

Есть еще небольшое повѣствованіе въ № 10 „Наблюдате-

ля“, не претендующее на художественность, но затрогивающее интересный вопросъ сибирской жизни, это—очеркъ, озаглавленный „Изъ записокъ неизвѣстнаго автора“. Авторъ передаетъ зловѣщія безъ вины виноватаго старичка „Сергѣя Добраго“, загнаннаго дореформенными порядками въ суровую якутскую глушь, и безропотно, съ непоколебимой вѣрой въ правду закона, чающаго своего возвращенія къ жизни и на родину—отъ 1-го департамента правительствующаго сената. Его безыскусственный рассказъ о своихъ мытарствахъ навѣваетъ на читателя поучительныя размышленія.

Какая масса разнородныхъ—и беззлобныхъ и злобныхъ, и съ виной и безъ вины виноватыхъ, и до и пореформенныхъ преступниковъ съ испоконъ вѣка наполняла Сибирь. И эта масса расплзалась по всѣмъ направленіямъ обширнаго края, съ тѣмъ разрозненныхъ точекъ окидывала все его пространство, проникала во всѣ слои его населенія, сливалась съ его питательными соками участвуя въ пульсѣ его, и въ нервной его дѣятельности. Недавно упоминалось на этихъ страницахъ о „Варначкѣ“, дочери ссыльнаго поляка, жизнь которой слилась съ обиходомъ глухой, полуинородческой деревушки, теперь говоримъ о „Сергѣѣ Добрамъ“; г. Короленко повѣствовалъ намъ о „чужихъ людяхъ“, заброшенныхъ въ сосѣдство полуякута Макара, о „Соколинцѣ“, о сѣденькомъ старичкѣ съ его диковиннымъ сѣрымъ конькомъ и о другихъ типахъ, необходимо сопутствующихъ почти всякому рассказу изъ сибирской жизни; Какъ же должно было все это отозваться на природномъ сибирякѣ? Не могли же эти своеобразныя личности, иногда исполненные характера, смѣлости, силы, природныхъ дарованій, не внести ничего и остаться безслѣдными. Ихъ рассказы и горькія исповѣди, такъ охотно передаваемые въ долгія ночи изгнанія, не могли не производить глубокаго впечатлѣнія, даже на простую натуру. А сколько здѣсь было бывальщины, опыта. Столѣтія читалась народомъ эта книга чужихъ несчастій пришельцевъ, и слушатель не могъ не выйти не умудреннымъ. Въ его мирозерцаніи проникъ новый элементъ, цѣлый рядъ соображеній и выводовъ.

Не даромъ непривычнаго человѣка поражаетъ особый, разумный и сосредоточенный характеръ сибиряка. Онъ видѣлъ всякаго народа и его не обманешь. Много испортила крови ссылка, внесла разврата и смрада. Много яда внесла она отъ конокрадства до фальшивой печати, но нельзя отрицать и другой стороны,—это глубоко-вынесенныхъ впечатлѣній подъ влияніемъ трогательно-покаянныхъ исповѣдей о своемъ заблужденіи или смиренно покорныхъ повѣствованій о своемъ несчастіи.

И какъ забыть, растерявъ, наивенъ и неумѣлъ выглядеть нынѣшній, добровольный переселенецъ—предъ кореннымъ сибирякомъ, въ наслѣдіе отъ предыдущихъ поколѣній получившимъ, вмѣстѣ съ окружающей могучей природой, и занесенный опытъ и накопленную вѣру въ свою силу и умъ.

С. Х.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

24-го октября въ с.-петербургской судебной палатѣ, по прочтеніи обвинительнаго акта, спрошенъ былъ редакторъ-издатель „Восточнаго Обозрѣнія“ Н. Ядринцевъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ по обвиненію управляющаго государственными имуществами Западной Сибири Павловскаго. Ядринцевъ не призналъ себя виновнымъ. Во время обмѣна сторонъ Ядринцевъ просилъ позволенія сослаться на нѣкоторые номера „Восточнаго Обозрѣнія“, находящіеся въ связи съ тѣми статьями, на которыя указывалъ лѣсничій Павловскій, далѣе—на свой формуляръ. Рѣчь прокурора содержала сущность обвиненій, выставленныхъ г. Павловскимъ въ его жалобѣ. Г. прокуроръ настаивалъ на примѣненіи 1039 ст.

Послѣ этого обвиняемый выступилъ самъ въ качествѣ защитника. Рѣчь редактора „Восточнаго Обозрѣнія“ заключалась въ слѣдующемъ: „Господа судьи, пункты обвиненія про-

тивъ меня, какъ редактора газеты, сводятся къ двумъ статьямъ въ № 47 „Восточнаго Обозрѣнія“ за 1886 г., причемъ мнѣ приписываются обвинителемъ цѣли дискредитировать дѣйствія г. лѣсничаго Павловскаго, какъ управляющаго государственными имуществами въ Западной Сибири. Прежде всего позволю себѣ устранить тотъ мотивъ обвиненія и тѣ побужденія подорвать служебную карьеру г. Павловскаго, которыя мнѣ приписываются. Лично я г. Павловскаго не зналъ, дѣлъ съ нимъ не имѣлъ; я не зналъ, кто такой г. Павловскій и, живя въ Петербургѣ, мнѣ не было до этого никакого дѣла. Это увидитъ судъ изъ слѣдующаго. Въ передовой статьѣ дѣло шло не о служебномъ положеніи г. Павловскаго, какъ увѣряетъ онъ, а объ Управленіи государственными имуществами, созданномъ въ Западной Сибири, и его отношеніи къ крестьянскому дѣлу.

Напрасно г. Павловскій меня выставляетъ редакторомъ, основавшимъ свою статью на одной корреспонденціи. Въ самой статьѣ въ № 47 встрѣчается этому опроверженіе. Здѣсь сказано (прошу обратить вниманіе на 2-й столбецъ 2-й страницы): „Мы помнимъ дѣятельность IV отдѣленія главнаго Управленія Западной Сибири, оно было лучшимъ отдѣленіемъ“. Далѣе излагается цѣлая исторія образованія Управленія государственными имуществами. Откуда же я ее зналъ? Охотно развѣясню. Я самъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Западной Сибири, какъ видно изъ моего формуляра, зналъ дѣла по Управленію государственными имуществами, я изслѣдовалъ переселенческое дѣло и, какъ чиновникъ и какъ членъ императорскаго русскаго географическаго общества, о переселеніяхъ въ Сибирь я писалъ многіе статьи и отчеты. Точно также мною составлялись программы для изслѣдованія поземельнаго дѣла и крестьянской общины въ Западной Сибири. Такимъ образомъ самое дѣло во мнѣ встрѣтило лицо, подготовленное для критики, и я явился, смѣю сказать, во всеоружіи. Мои мотивы были ясны: много лѣтъ занимаясь переселенческимъ дѣломъ, я, какъ редакторъ, не могъ не слѣдить за нимъ, при обсужденіи общественныхъ вопросовъ въ газетѣ. Вопросъ только въ томъ, на сколько я нарушалъ право обсуждать эти вопросы. Самой лучшей защитой моей — передовая статья въ № 47, написанная сдержанно, въ которой я не употребилъ ни одного оскорбительнаго выраженія къ кому бы то ни было.

Г. Павловскій говоритъ, что я, говоря объ инструкціяхъ даннымъ изслѣдователямъ въ этой статьѣ, нарушалъ какую то канцелярскую тайну. Какую? Инструкція касалась изслѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ, эта инструкція — статистическая т. е. научная, которая не составляетъ ни для кого секрета. Отбѣзжающіе изслѣдователи показываютъ ее всѣмъ, кто имъ можетъ помочь, кто компетентенъ въ этихъ вопросахъ. Инструкція, о которой идетъ рѣчь, была составлена при Управленіи государственными имуществами въ Омскѣ. Когда она была составлена при бывшемъ управляющемъ Заборовскомъ или при исправляющимъ должность г. Павловскимъ — я не знаю, но она подлежала оцѣнкѣ. Мало того, не я началъ критику, инструкція была опубликована и разобрана прежде меня „Сибирской Газетой“; № 47 „Восточнаго Обозрѣнія“ вышелъ 20 ноября, а объ инструкціи въ „Сибирской Газетѣ“ писалось въ № 23 и 33, т. е. 29 іюля и 17 августа, я и имѣлъ ихъ уже въ рукахъ. Въ № 51 „Восточнаго Обозрѣнія“, гдѣ идетъ продолженіе разбора инструкціи, я выписалъ цѣликомъ эту критику, не мою, а другой газеты. Въ этомъ судъ можетъ удостовѣриться. Стало быть, не я первый писалъ объ инструкціяхъ, въ которыхъ нѣтъ секрета. При составленіи этихъ инструкцій, обыкновенно совѣтуются съ учеными, и г. Павловскій напрасно не отличаетъ ихъ отъ тайныхъ инструкцій другаго рода.

Далѣе, въ передовой статьѣ идетъ дѣло о переселенческихъ дѣлахъ, отказахъ переселенцамъ и т. п. Откуда я ихъ узналъ? Очень просто — отъ лицъ, которыя ходатайствовали за переселенцевъ. Переселенцамъ, дѣлались открытые отказы. Какая же это опять канцелярская тайна? Въ той же статьѣ

я обсуждалъ, что къ нимъ прилагался неправильно циркуляръ 10 іюля 1881 г., но въ толкованіи этого циркуляра не согласенъ былъ и томскій губернский совѣтъ, и чиновникъ по переселенческому дѣлу. Объ этомъ есть у меня журналъ томскаго губернскаго совѣта 19 ноября 1886 г. № 361. Наконецъ, толковать неправильно приложеніе закона къ переселенцамъ не значитъ оскорблять другаго. Повторяю, передовая статья говоритъ вообще о дѣятельности Управленія государственными имуществами, что я не имѣлъ въ виду только особу г. Павловскаго, при обсужденіи крестьянскаго дѣла, доказываютъ статьи вслѣдъ за № 47, а именно въ № 51 1886 г., и въ №№ 26 и 36 1887 г., т. е. въ то время, когда г. Павловскій пересталъ исправлять должность управляющаго.

Обращаюсь къ корреспонденціи, на которую жалуется г. Павловскій, и гдѣ онъ узнаетъ себя. Но прежде всего прошу разсматривать ее отдѣльно, такъ какъ напрасно г. Павловскій берется ее связывать съ передовой статьей. Ссылки на нее въ передовой нѣтъ. По существу, вся корреспонденція касается переселенцевъ и говоритъ о ихъ драматическомъ положеніи. Корреспонденція пишетъ о переселенцахъ, которыми завѣдуетъ и губернское правленіе, и губернский совѣтъ по крестьянскимъ дѣламъ, и казенная палата, она-то и перечисляетъ, собственно переселенцевъ, завѣдуетъ ими и особый чиновникъ по переселенческой части министерства внутреннихъ дѣлъ, и чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ и губернаторъ. Но никто изъ этихъ учреждений не принялъ эту корреспонденцію на свой счетъ, такъ какъ опредѣленно ни о комъ не говорилось. Въ корреспонденціи говорится о канцелярской процедурѣ медленности, но она вездѣ — почему же обижается одинъ г. Павловскій.

Гдѣ сказано о г. Павловскомъ — я прошу указать. Говорится — „наши мѣстные философы“, „нѣкіе господа“, „калифъ на часъ“, но ни одного имени, литеры, инициала не употреблено, которые дали основаніе думать, что корреспондентъ разумѣетъ именно г. Павловскаго. Передъ кѣмъ же я могъ дискредитировать, этихъ неизвѣстныхъ философовъ и нѣкихъ лицъ. „Калифъ на часъ“ — но почему же здѣсь г. Павловскій узналъ себя? Мало-ли „калифовъ на часъ“, или исправляющихъ должность? Вѣдь всѣ временно исправляющіе должность въ Тобольской губерніи и Западной Сибири могли обидѣться, но не обидѣлись же.

Позволю себѣ протестовать противъ оскорбительности даже этого слова. Оскорбительно то, что человѣкъ не скажетъ про себя самъ. Но „калифъ на часъ“ говорятъ даже про самого себя, что тутъ браннаго? Это просто указываетъ на временное положеніе.

Далѣе, г. Павловскій связалъ анекдотъ, приведенный въ концѣ корреспонденціи, объ одномъ, дѣятелѣ писавшемъ записку, съ предъидущимъ изложеніемъ о нѣкихъ философахъ и дѣтеляхъ по устройству переселенцевъ. Достаточно однако взглянуть на предположенія, связывающія этотъ анекдотъ съ предъидущимъ, чтобы понять, что здѣсь могло идти дѣло о совершенно разныхъ лицахъ. Въ корреспонденціи говорится:

„Къ какимъ фокусамъ прибѣгаютъ нѣкоторые дѣятели, привожу курьезъ“. Это фраза показываетъ, что курьезъ приведенъ въ видѣ примѣра, а примѣръ могъ касаться посторонняго лица. Какіе признаки, по которымъ г. Павловскій опять узналъ себя и нашелъ сходство? Они опять очень неопредѣленны, ни имени, ни мѣста службы, ни мѣста, гдѣ это происходило, не обозначено. „Далѣе авторъ статьи“, — говоритъ г. Павловскій, хотѣлъ указать на его „записку о сѣверномъ краѣ“, но гдѣ же говорится, что именно г. Павловскій взялся писать записку. По показанію г. Павловскаго, факты извращены, и дѣло было не такъ, — во тогда напрасно этотъ курьезъ приписывать къ себѣ, если онъ не похожъ. Г. Павловскій, какъ сообщаетъ, писалъ также записку „о сѣверномъ краѣ и объ инородцахъ“, но онъ говоритъ, что матеріалъ бралъ онъ изъ официальныхъ архивныхъ источниковъ и

научныхъ изслѣдованій. Очень можетъ быть. Но въ корреспонденціи разсказанный курьеръ заключаетъ указаніе, что кто-то нанималъ писать записку, а если г. Павловскій никого не нанималъ писать записку, то даже и сходства никакого нѣтъ съ исторіей его записки.

Я не берусь судить и не знаю, на сколько записка г. Павловскаго, составленная о современномъ положеніи быта на основаніи архивныхъ матерьяловъ, удовлетворила начальство г. Павловскаго; не знаю ничего, какъ разсматривалось его временное исправленіе обязанностей, какія знанія г. Павловскій выказалъ въ переселенческомъ дѣлѣ,—но могу увѣрить и предоставляю убѣдиться суду, что корреспонденція, гдѣ неизвѣстно о комъ идетъ дѣло, врядъ-ли могла быть ему оскорбительна.

Г. прокуроръ и обвиненіе прилагаютъ ко мнѣ 1039 ст., т. е. опубликованіе позорящихъ обстоятельствъ, но въ статьяхъ дѣло шло только о неумѣлости и некомпетентности. Ни въ передовой статьѣ, ни въ корреспонденціи не упоминалось ни о какихъ злоупотребленіяхъ властью, или возмутительныхъ дѣйствіяхъ. Самое слово „позорящія обстоятельства“ здѣсь, поэтому, не имѣетъ мѣста. Точно также нѣтъ въ корреспонденціи ни злословія, ни брани, указываемыхъ въ 1040 ст.

Въ заключеніе скажу: обыкновенно писателю приписываютъ какое то странное намѣреніе вредить и подрывать служебное положеніе должностныхъ лицъ, позорить ихъ доброе имя, вредить по службѣ, даже тогда, когда дѣло идетъ объ обсужденіи общественнаго вопроса, народнаго дѣла или правильнаго примѣненія закона. Дѣло суда, конечно, разобрать

мотивы, которые двигали писателемъ. Мои мотивы были ясны. Это говоритъ рядъ передовыхъ статей въ моей газетѣ, касающихся дѣла огромной важности народнаго переселенія и устройства переселенцевъ. Если эти статьи такъ или иначе могли указать недостатки какого либо лица, если бы даже это лицо помимо воли писателя потерпѣло, то его лично можетъ писатель жалѣть, но это не можетъ остановить его отъ исполненія долга, какъ Васъ, господа судьи, отъ примѣненія закона, который для Васъ дороже всего. Порядъ писателемъ стоитъ и другая сторона. Не обличеніе какихъ то мѣстныхъ философовъ, мелкихъ провинціальныхъ дѣятелей имѣлъ я въ виду пропуская корреспонденцію въ № 47. Я укажу опредѣленно по той же корреспонденціи, кого я имѣлъ въ виду. Г. Павловскій пропустилъ эти слова и какъ будто не замѣтилъ. Вотъ, что сказано въ корреспонденціи: „Ближайшій агентъ пишетъ старшему, старшій пишетъ въ управленіе, а тѣмъ временемъ наступила зима, переселенцы страдаютъ, дѣти болѣютъ и мерзнутъ, жить негдѣ, ѣсть нечего“.

Вотъ эти то переселенцы и ихъ дѣти стояли предо мной, когда я писалъ статьи о переселенческомъ дѣлѣ и устраненіи его недостатковъ. За нихъ я готовъ, господа судьи, перенести даже непріятности. Защита этихъ интересовъ меня нечаянно привела на эту скамью подсудимыхъ, но я не стыжусь, не жалѣю—ибо ратовалъ за людей и дѣлалъ то, что мнѣ указывали долгъ и совѣсть.

Судъ удалился и послѣ совѣщаній вынесъ оправдательный вердиктъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ДОБРОДУШНАГО СИБИРЯКА.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

МОЙ РОМАНЪ.

ГЛАВА VII.

СОНЪ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ.

Бушевала сибирская зимняя пурга, на дворѣ свистѣлъ и завывалъ вѣтеръ; нашъ дальній городокъ зарылся въ снѣгу и притаился; мракъ скрывалъ его, и даже въ большихъ каменныхъ домахъ едва мелькали огни.

Въ полутемной спальнѣ свѣтилась лампадка тихимъ свѣтомъ. На кровати подъ бѣлымъ пологомъ, какъ будто-бы подъ балдахиномъ, полулежала дѣвушка; какъ видно, сонъ ею овладѣлъ внезапно. Черныя дѣвичьи косы, какъ большія змѣи, рассыпались небрежно на подушкахъ; свѣжій румянецъ ея горѣлъ тѣмъ тихимъ пламенемъ, какимъ играетъ обыкновенно на дѣтскомъ лицѣ въ блаженномъ сладкомъ снѣ; уста дѣвушки были полуоткрыты, и тихое спокойное дыханіе волновало грудь; бархатная соболья шубка спала съ плеча ея. Точно заколдованная царица въ заколдованномъ мертвомъ царствѣ, спала дѣвушка. А кругомъ ея было, дѣйствительно, мертвое царство:—дальній сѣверъ, глухой городъ и сонная среда.

Часто среди этой тишины дикій отецъ разнообразилъ свои одинокіе дни буйной оргіей. Тогда шумѣли гости, гремѣла посуда, слышались буйные крики, топотъ, звонъ золота на игральныхъ столахъ. Въ другое время прокрадывались сюда какъ тѣни, должники Кондрата, изъ которыхъ онъ сосалъ кровь. Кажись, трудно было представить, какъ это дѣйствительное ангельски-чистое и тихое существо уживалось рядомъ съ этимъ содомомъ и развратомъ, невинность рядомъ съ преступленіемъ. Только въ сказкѣ Черноморъ владѣлъ прекрасной Людмилой, да въ древнихъ замкахъ спальни прекрасной и молодой герцогини были вблизи темницъ и комнатъ, гдѣ свершались пытки, какъ въ Шильонскомъ замкѣ.

Сегодня молодая дѣвушка, измученная хлопотами, бодрствуя далеко за полночь, упавъ на свою кровать, также нечаянно заснула. Лишь издали долеталъ до нея звонъ бокаловъ и блюдовъ, но она ничего не слышала.

Какъ только красавицу охватилъ сонъ, и исчезла грустная дѣйствительность, явилась къ ней волшебница-фея, взяла ее въ свои объятія и понесла въ невѣдомую фантастическую даль. Вотъ исчезли ледяныя бѣлыя поляны роднаго сѣвера, выступили горы, покрытыя темными лѣсами. За этими горами сверкнуло солнце, тепломъ повѣяло и показалась зелень и цвѣты. Въ голубомъ пространствѣ плыветъ съ волшебницей красавица; подъ ними незнакомыя страны, чудные сады и фантастическіе замки. Когда онѣ спустились, предъ ними былъ прозрачный изумрудный Рейнъ, скалы, покрытыя сверху до-низу виноградниками, старые замки съ своими готическими окнами, шпицами и башнями. Когда-то здѣсь кипѣла жизнь. И вотъ волшебница повѣдала любимицѣ о подвигахъ вѣковъ минувшихъ, о рыцаряхъ, ихъ славу и величіе. И вновь отъ словъ волшебницы тѣ замки оживились. Проходятъ рыцари и дамы торжественной, блестящей вереницей. Здѣсь были кавалеры съ шпагами и въ пелеринахъ, всѣ въ бархатѣ и блондахъ и въ башмакахъ остроконечныхъ. Въ парчевомъ платьѣ герцогиня, красивые пажы въ беретахъ шлейфъ ея несутъ, а меннзингеръ молодой, весь въ локонахъ, предъ ней склонивъ колѣни, поставилъ арфу золотую и, покрасившись, ударилъ въ струны. Онъ пѣлъ въ честь королевы гимнъ...

Но вотъ смѣнилась сцена. Трубятъ рога и рыцарей зовутъ на бой, на подвигъ бранный. Склонились рыцари предъ дамами послѣдній разъ и въ вѣрности кланутся, кланутся подвиги великіе свершить. Ихъ блѣденъ ликъ теперь, торжественно прощанье; собираются они въ Іерусалимъ; на ихъ плащахъ кресты, а на челѣ забрало.

ГЛАВА VIII. ВОСКРЕСШИЙ РЫЦАРЬ.

Затѣмъ исчезло все... И предъ глазами свершилось превращенье, какъ будто-бы вѣка прошли. Склонились полуразрушенные замки надъ водами, какъ старцы дряхлые, огни потухли въ окнахъ, исчезли молодые лица, какъ чѣрепа глаза, сіяютъ эти окна, ихъ паутина затянула, а по стѣнамъ, украшеннымъ гербами, побѣждала плесень; повсюду плющъ и дикій виноградъ разросся и занялъ пышные покои. Въ саду, гдѣ прежде за клумбой розановъ, средь зелени душистой влюбленные глаза смотрѣли, теперь сверкаютъ глазки черной змѣйки, изъ камня выползшей. Полуразрушенный, въ небрежной позѣ, лежитъ красивый богъ, низверженъ съ пьедестала. И запустѣніе и смерть теперь кругомъ. Часовня ветхая виднѣется близъ замка, а рядомъ плиты и кресты, обвитые плющомъ. И подвела волшебница красавицу къ тѣмъ плитамъ. Повѣдала она, что тихо спитъ здѣсь рыцарь, красой и храбростію онъ отличался и какъ герой, погибъ въ бою, освобождая слабыхъ и несчастныхъ. Онъ спитъ — вѣка. О, какъ тѣсна могила, какъ камень тяжкій давитъ грудь его! Съ мольбой и съ жалостію взглянула на волшебницу красавица и поняла колдунья желаніе любимицы. Вдругъ камень треснулъ, и плита свалилась; изъ могилы темной вдругъ показалось забрало шлема, и вышелъ рыцарь. Онъ молодой былъ, красою прежнюю лицо сіяло, сверкала вороненная кираса, рука сжимала мечъ, и на шеломѣ вѣтеръ игралъ цвѣтными перьями. И съ рѣчью къ дѣвушкамъ онъ обратился: — „Я подвиговъ ищу, ты будешь королевой моей, прекрасное созданье. Тебѣ, красавица, въ распоряженіе себя я отдаю!“ — Такъ молвилъ рыцарь, склонившись тихо на колѣни предъ незнакомкою. Но здѣсь волшебница ее схватила быстро и въ вышину съ собою увлекла.

Поднявшись, издали онъ теперь слѣдили за рыцаремъ: Онъ гордо оглянулся, отвагой старой взоръ его горѣлъ, и, руку приподнявъ въ стальной перчаткѣ, онъ рогъ схватилъ и затрубилъ. И вѣрный старый конь къ нему примчался. Въ серебряное стремя вложилъ онъ ногу и поѣхалъ.

Вотъ передъ нимъ поля знакомыя и замки старые, деревни возлѣ нихъ и виллы теперь расположились, повсюду пашни, жизнь кипитъ, и трубы фабрикъ клубы дыма кидаютъ къ небу. Неузнаваемы теперь мѣста родныя! Пещеры въ гроты превратились, красивые, обвитые цвѣтами; вездѣ мосты, дороги, и шпицы высятся, средь зелени церквей. Нѣтъ больше здѣсь ни великановъ, ни чародѣевъ — карловъ, ни драконовъ. И подѣзжаетъ онъ къ деревнѣ гдѣ толпа крестьянъ сидитъ у столиковъ. — Кто вы такіе, гдѣ вашъ господинъ? — онъ спрашиваетъ ихъ: — Не притѣсняетъ-ли онъ васъ, не злой-ли онъ тиранъ, что пьетъ людскую кровь? Неправдой и жестокостію не запятналъ-ли онъ свой санъ и герцогское званье? Скажите мнѣ я отомщу ему и вызову его на поединокъ. Я честный рыцарь и готовъ за правду умереть, я подвиговъ ищу!

— Мы граждане швейцарскіе, отвѣтили ему крестьяне, тирана нѣтъ у насъ, свободны мы, — и въ кубки налили себѣ они вина янтарнаго изъ винограда и, приподнявъ, ихъ выпили за Телля, за Вильгельма Телля.

И тихо опустивъ коше, поѣхалъ дальше рыцарь. Увидѣлъ онъ дракона, что съ огненными страшными глазами бѣжалъ по берегу, и чорный дымъ изъ рта его клубился. Остановился рыцарь. Чудовище предъ нимъ летѣло съ шумомъ, мосты желѣзные подъ нимъ гремѣли, и быстроногій конь поспѣть за нимъ не могъ. Драконъ тотъ покоренъ былъ чело-вѣкомъ, и на спинѣ его сидѣли люди, чудовищемъ спокойно управляя. У города увидѣлъ онъ заставу и тихо вѣхалъ. На площади толпа шумѣла. И обратился къ ней нашъ рыцарь снова съ рѣчью.

— Не нужно-ль помощи, защиты отъ неправды. Что собрало сюда народъ, о чемъ шумите вы? Скажите-же, кто оскорбляетъ насъ, кто бѣдняка обидѣлъ? Мой мечъ готовъ въ его защиту, и я съумѣю отомстить.

— Вложи свой мечъ спокойно. Мы не нуждаемся въ

твоей защитѣ; у насъ сегодня выборы, мы подаемъ въ рейхстагъ свой адресъ, нѣмецкіе ремесленники мы и защититъ себя съумѣемъ сами.

И опустивъ забрало, задумчивый поѣхалъ дальше рыцарь. И вѣхалъ онъ въ ту землю, гдѣ прежде мавры жили, съ которыми сражался онъ когда-то, — но мавры были изгнаны. Гдѣ ихъ дворцы стояли, въ тѣни садовъ, увидѣлъ онъ, какъ гордые испанки ходили съ вѣерами, кокетливо смотря на молодыхъ гядалго. Звенѣла здѣсь гитара, шелкали кастаньеты, и въ безпечномъ танцѣ испанцы проводили время. Затѣмъ направился онъ въ землю турокъ, гдѣ прежде онъ сражался съ такою честью. Но полчищъ онъ не встрѣтилъ прежнихъ здѣсь. Безпечно въ фескѣ красной съ калыаномъ нѣжился лѣнивый турокъ, дворцы, кіоски отражались въ морѣ; а вдали шли корабли, и ихъ французскіе и англійскіе флаги побѣдоносно вѣтеръ развѣвалъ. Здѣсь подвиговъ не нужно было также. Давно подавленъ мусульманскій міръ и, накренившись, мѣсяцъ едва держался на мечети.

И сѣвши на корабль попутный, отправился злосчастный рыцарь къ знакомому Іерусалиму. Какъ встарь онъ и теперь прошелъ пустыни; близъ города онъ встрѣтилъ пилигримовъ; они тѣснились у пещеръ священныхъ, лампы озаряли храмы, и въ церквахъ торжественные гимны раздавались. Стоялъ вдали безмолвный робкій турокъ. А гробъ Господень залитой, огнями былъ окруженъ толпой благоговѣйныхъ христіанъ. И понялъ онъ, что свершена побѣда, что рыцарская кровь не даромъ здѣсь лилась. Свершилася мечта, сбылись его обѣты, и умиленный, онъ теперь запѣлъ: „Te deum.“

ГЛАВА X. ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ.

„Зачѣмъ проснулся я, однако, — вспомнилъ рыцарь, — нѣтъ больше дѣла мнѣ, какъ видно. На свѣтѣ все совершенно. Подъ прежнюю плиту приходится ложиться и тихимъ вѣчнымъ сномъ, какъ прежде почивать“. Но вдругъ его еще надежда осянила. Онъ повернулъ коня и про себя промолвилъ: „неужели нѣтъ на свѣтѣ болѣе раба несчастнаго, нѣтъ утѣсненной жертвы на сѣверѣ или на югѣ, гдѣ могъ бы я кого нибудь спасти?“ Такъ размышляя, въ пустыню вѣхалъ онъ. То была окраина пустыни азіатской, палимой солнцемъ. Предгоріе высоко поднималось и ледяные пики вдали горѣли и сверкали бѣлизной.

Здѣсь распростертымъ, поверженнымъ во прахъ нашелъ онъ бѣдняка въ цѣпяхъ и язвахъ... Это былъ несчастный азіатскій рабъ. Когда то былъ онъ полководцемъ и громилъ Европу, участвовалъ въ великомъ онъ нашествіи народовъ, съ бичемъ Атиллою вмѣстѣ, огнемъ и пламенемъ повсюду страхъ вселялъ, къ татарскимъ и турецкимъ ордамъ онъ принадлежалъ, и много рыцарей погибло съ нимъ въ бою. И вотъ, какъ дикій звѣрь, теперь онъ погибалъ, его сковалъ туркменъ хозинъ желѣзными цѣпями, подрѣзалъ жилы и въ прахъ заставлялъ пресмыкаться въ ямѣ. Слѣпымъ, израненнымъ, покрытымъ язвами увидѣлъ рыцарь стараго врага, но, къ удивленію не шевельнулася месть въ душѣ его, а жалость почувствовалъ онъ въ сердцѣ.

— Будь проклятъ тотъ, кто ослѣпилъ тебя! Будь проклятъ тотъ, кто звѣремъ издѣвался надъ тобою, кто пролилъ чело-вѣческую кровь! Будь проклятъ тотъ, кто тѣло твое цѣпями истерзалъ, въ комъ ни чувства состраданья, ни жалости не шевельнулось! Ты врагъ мой былъ, но я тебѣ прощаю. Свободу я и жизнь готовъ несчастнымъ даровать, — иди за мной и поднимись изъ праха!

И видѣла тотъ подвигъ красавица, витавшая съ волшебницей высоко надъ землею. И вспомнила красавица, что тамъ, на сѣверѣ, ея несчастный инородецъ, также жалкій, обиженный судьбой, въ несчастіи прозябалъ. И вспомнились ей родимыя картины въ пустыняхъ и лѣсахъ... Но здѣсь прервалась сонъ. Лежитъ она въ своей свѣтлицѣ, глухая тьма кругомъ, вой бури; она одна, тоска сжимаетъ сердце, и слезы каплютъ холодныя на дѣвственную грудь.

— Волшебница, куда дѣвалась ты? Гдѣ-жъ рыцарь?!

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Произведено опять покушение на жизнь принца Фердинанда Корбургскаго. Стамбуловъ не утвердилъ избранія митрополита Климента въ председатели здѣшняго общества „Краснаго Креста“. Митрополиту прислано нѣсколько поздравительныхъ адресовъ, въ которыхъ восхваляютъ его за гражданское мужество.

Газета „Nord“, обсуждая рѣчи графа Кальноки въ делегаціяхъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ, подвергаетъ ихъ рѣзкой критикѣ. По словамъ газеты, миролюбіе русской политики не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Напротивъ того, тройственный союзъ своимъ образомъ дѣйствій въ болгарскомъ вопросѣ подрываетъ существующіе международные договоры.

— Дирекція германскаго имперскаго банка сообщено распоряженіе имперскаго канцлера относительно недопущенія впредь ссудъ подъ русскія бумаги. Объявленія объ этомъ въ имперскомъ банкѣ еще не вывѣшено.

„Національная Газета“ говоритъ: „Если запрещенію выдавать ссуды изъ имперскаго банка подъ русскія цѣнности не придавать непосредственно политическаго значенія, то распоряженіемъ этимъ было бы по меньшей мѣрѣ доказано, какъ рѣзко отдѣляется у насъ охраненіе экономическихъ интересовъ Германіи отъ крайняго положенія международныхъ отношеній. Послужило ли послѣднимъ поводомъ къ этой мѣрѣ то обстоятельство, что русскому Государственному банку предписано не принимать болѣе къ учету векселей, писанныхъ по-нѣмецки—неизвѣстно“. „Vossische Zeitung“ говоритъ: „Очень вѣроятно, что заключеніе новыхъ русскихъ контръ будетъ предотвращено. Положеніе, занятое Россіей въ таможенно-политическомъ отношеніи, вызвало въ руководящихъ сферахъ сильное неудовольствіе, особенно по отношенію къ новому увеличенію пошлинъ. вслѣдствіе котораго русская граница закрывается для иностраннаго, преимущественно же германскаго ввоза. Распоряженіе канцлера не допускаетъ только новыхъ ссудъ подъ русскія бумаги, причемъ старыя ссуды, вѣроятно, не будутъ продлены и, въ случаѣ просрочки, будутъ подлежать возвращенію“.

„Boersen-Zeitung“ пишетъ: „Въ удаленіи русскихъ фондовъ изъ списка предоставленныхъ германскому банку бумагъ политическая сторона дѣла далеко превышаетъ его практическое значеніе, тѣмъ болѣе, что, по общему мнѣнію, русскіе фонды предлагаются подъ залогъ на сравнительно малыхъ суммы“.

— По свѣдѣніямъ изъ Санъ-Ремо, не остается болѣе сомнѣній, что болѣзнь кронпринца носитъ характеръ злокачественнаго рака. Относительно будущаго лѣченія достовѣрныя извѣстія станутъ возможны только послѣ того, какъ посланный императоромъ въ Санъ-Ремо докторъ Морицъ Шмидтъ пріѣдетъ съ устнымъ докладомъ.

— Профессоръ Бергманъ дѣлаетъ уже приготовленія къ операціи. Въ церквахъ служатъ молебны о ниспосланіи наслѣдному принцу выздоровленія. Во время пребыванія въ Берлинѣ Русскаго Государя, при Его Величествѣ будутъ состоять: генералъ отъ инфантеріи Вердеръ, генералъ-маіоръ Линдеквистъ и полковникъ Геннигсъ; при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ будетъ находиться генералъ-лейтенантъ графъ Вальдерзее.

— Муниципальный совѣтъ Парижа, большинствомъ 52 голосовъ противъ 9, постановилъ срыть „искупительную“ часовню, воздвигнутую въ память казни Людовика XVI.—Въ засѣданіи суда по дѣлу о торговлѣ орденами многіе свидѣтели показали, что доставляли генералу д'Андо деньги для исхода тайствованія орденовъ. При допросѣ свидѣтелей выяснилось, что два письма Вильсона, приложенныя къ дѣлу, помѣчены задними числами. Чего ради это сдѣлано, пока еще не выяснилось. Военный интендантъ Бушъ далъ показаніе въ пользу генерала Каффареля. Представитель обвиненія изложилъ послѣдовательный ходъ дѣла и заявилъ, что имя Вильсона не должно въ немъ упоминаться, такъ какъ всѣ обвиненія противъ Вильсона лишены основанія. Все дѣло сводится къ мошенничеству, которое обратило на себя такое вниманіе лишь вслѣдствіе высокаго общественнаго положенія обвиняемыхъ. На судебномъ разбирательствѣ по дѣлу Каффареля экспертами было удостовѣрено, что изъ про-

цесса выкрадено два письма Вильсона и замѣнены другими, вновь написанными, но помѣченными заднимъ числомъ. Прокуроръ въ огражденіе суда отъ всякой отвѣтственности за промажу документовъ изъ слѣдственнаго производства заявилъ, что письма Вильсона были взяты у обвиняемаго не слѣдственнымъ судьей, а полиціей при одномъ изъ первыхъ обысковъ у обвиняемыхъ. На судѣ обнаружилось, что Вильсонъ находился въ сношеніяхъ съ г-жей Лимузенъ съ 1884 года, переписывался съ нею дружественнымъ образомъ по компрометирующимъ его дѣламъ, между прочимъ, переписывался относительно раздачи орденовъ и производства Тибодена. Вильсонъ снабжалъ г-жу Лимузенъ рекомендательными письмами къ разнымъ сановникамъ. Большую переписку Вильсонъ велъ также съ г-жей Ратацци; не всѣ его письма читались на судѣ. При дѣлѣ имѣются также любовныя письма бывшаго военнаго министра Тибодена къ г-жѣ Лимузенъ. Выяснившіяся на судѣ подробности дѣла Каффареля производятъ крайнее возмущеніе въ печати и въ депутатскихъ кружкахъ. Газета „XIX Siècle“ напечатала очень обстоятельное письмо, приглашающее Вильсона доказать, что онъ не получилъ отъ барона Сельера 10,000 франковъ въ счетъ условленной взятки въ 600,000 франковъ за возобновленіе подряда на поставку сукна и другихъ вещей для арміи. Сдѣлка эта состоялась въ бытность Тибодена военнымъ министромъ. Имѣется на лицо чекъ Сельера съ роспиской на немъ Вильсона въ полученіи имъ денегъ.

— На банкетѣ у лорда-мера маркизъ Салисбюри, говоря объ афганскомъ вопросѣ, указалъ на улаженіе пограничнаго дѣла, состоявшееся къ общему удовольствію, какъ русскаго, такъ и англійскаго правительствъ, и принятое съ удовольствіемъ также союзникомъ Англіи—афганскимъ эмиромъ. Претендентъ на афганскій престолъ Эюбъ-ханъ сдался индійскимъ властямъ, что устранило серьезную и во всякомъ случаѣ фактическую опасность, угрожавшую общему миру. Особенное значеніе придаетъ маркизъ Салисбюри улаженію вопросовъ о Суэзскомъ каналѣ и Ново-Гибридскихъ островахъ, устранившему яблоко раздора между Франціей и Англіей. Миръ можетъ считаться обезпеченнымъ. Относительно общаго политическаго положенія въ Европѣ маркизъ Салисбюри сказалъ: „Пока народы содержатъ громадныя постоянныя арміи и соперничаютъ другъ съ другомъ въ вооруженіяхъ, тщетно было бы ожидать полнаго спокойствія. Съ другой стороны, однако, грозное могущество нынѣшняго вооруженія обезпечиваетъ сохраненіе мира, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ въ тѣ времена, когда веденіе войнъ не было сопряжено съ такими трудностями и затратами. Салисбюри увѣренъ, что теперь всѣ безъ исключенія монархи и выдающіеся государственные дѣятели искренно желаютъ сохраненія мира. Если въ будущемъ возникнетъ какая-либо опасность, то она можетъ быть вызвана лишь взрывомъ страстнаго, необдуманнаго чувства среди большихъ массъ населенія. Что касается до англійскаго правительства, то оно стремится лишь къ сохраненію мира и существующихъ договоровъ, нынѣшняго порядка вещей въ Европѣ и независимости свободныхъ народностей. Англія стремится не одна къ этимъ цѣлямъ“. Салисбюри указалъ, что англійское правительство вполне сочувствуетъ внѣшней политической программѣ Криспи и графа Кальноки. Рѣчи ихъ укрѣпили общую надежду на сохраненіе мира. Англійское правительство увѣрено, что цѣли, къ которымъ стремятся означенные государственные дѣятели, тождественны съ цѣлями англійской политики. Англія употребитъ все свое вліяніе для поддержанія народовъ, стремящихся къ сохраненію свободы, законности и мира.

— Обсужденіе конвенціи о Суэзскомъ каналѣ въ совѣтѣ турецкихъ министровъ еще не кончено; великій визирь и еще нѣсколько министровъ предложили сдѣлать существенныя измѣненія въ текстѣ конвенціи, другіе же министры не согласны съ ихъ взглядомъ. Султану не посылали пока мазбата объ этомъ.

— Чикаго. Анархисты Энгель, Парсонсъ, Шписъ и Фишеръ утроемъ были повѣшены. До полудни не произошло никакихъ безпорядковъ. Спокойствіе полное.

— Изъ Парижа телеграфируютъ, отъ 23-го октября, въ Berl. Tageblatt: „Анархисты разослали изъ Англіи нѣсколько тысячъ воззваній, предназначенныхъ для германской арміи и подписанныхъ Мостомъ. Цѣль ихъ—побудить войска къ отпаденію отъ правительства, въ случаѣ войны съ Франціей. Такое же приглашеніе, въ переводѣ на французскій языкъ, послано французскимъ войскамъ“.

— Эюбъ-хавъ, скрывавшійся нѣкоторое время въ окрестностяхъ Кафа, сдался добровольно англійскому агенту въ Мешхедѣ и будетъ, по всей вѣроятности, перевезенъ въ Индію.

— Холера въ Италіи, какъ видно изъ официальныхъ бюллетеней, совсѣмъ прекратилась, ибо, по послѣднему бюллетеню, во всей Италіи въ послѣднее время было только три случая заболѣванія, и объявлено о томъ, что составленіе бюллетеней прекращается.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ „Свѣтѣ“ напечатано: „Сѣверо Германская Газета“ пишетъ: Его Величество Государь Императоръ Александръ III на возвратномъ пути въ Россію, слѣдуя изъ Копенгагена, прибѣдетъ на будущей недѣлѣ въ Берлинъ. День и часъ прибытія и срокъ пребыванія Государя въ Берлинъ неизвѣстны. Въ экстренномъ прибавленіи къ „Кельнской Газетѣ“ сказано: русскій посолъ, графъ Шуваловъ, официально заявилъ о предстоящемъ прибытіи Государя въ Берлинъ. Полагаютъ, что Государь прибѣдетъ въ 10 ч. утра и послѣдуетъ далѣе вечеромъ того-же дня.

— По случаю имѣющаго быть сокращенія въ личномъ составѣ чиновъ министерства Императорскаго Двора, всѣ отдѣлы котораго сосредоточиваются въ одно центральное управленіе, подлѣ наименованіемъ кабинета Его Величества, ожидается экономія болѣе чѣмъ на 100,000 рублей. Проектировано принимать на службу въ отдѣлы центрального управленія министерства Императорскаго Двора—молдыхъ людей, окончившихъ высшія учебныя заведенія. Говорятъ, что для такихъ молодыхъ людей будутъ открыты сначала по 2 вакансіи на каждый отдѣлъ.

— По министерству юстиціи предстоятъ значительныя измѣненія штатовъ. Министръ юстиціи, ревизуя лично нынѣшнимъ лѣтомъ и осенью судебныя учрежденія, нашелъ, что во многихъ окружныхъ судахъ члены обременены работою до крайности, вслѣдствіе чего происходитъ нѣрѣдко замедленіе въ судопроизводствѣ. Въ виду этого, предполагается увеличить во многихъ судебныхъ округахъ число членовъ окружныхъ судовъ, судебныхъ слѣдователей и добавочныхъ мировыхъ судей.

— Газеты сообщаютъ, что профессора петербургскаго университета юридическаго факультета: уголовного судопроизводства—Фойницкій, государственнаго права—Градовскій и статистики—Янсонъ оставляютъ свои каѳедры.

— Департаментъ внутреннихъ сношеній нашего министерства иностранныхъ дѣлъ обратился черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и финансовъ ко всѣмъ заинтересованнымъ въ данномъ дѣлѣ ученымъ обществамъ нашей столицы, въ томъ числѣ и къ с.-петербургской городской думѣ, съ запросомъ о томъ, какого мнѣнія они относительно созыва въ 1888 г. въ Петербургѣ международнаго конгресса по профессиональному образованію вообще, какъ того пожелалъ для Россіи сказанный конгрессъ въ Бордо, собиравшійся лѣтомъ 1886 г., кототорый въ настоящее время проситъ Россію черезъ французское правительство дать ему надлежащій отвѣтъ. Вопросъ этотъ уже былъ предъявленъ петербургскою думою и вольнымъ экономическимъ обществомъ своимъ гласнымъ и собранію членовъ, которые единогласно постановили ходатайствовать о созывѣ въ Петербургѣ лѣтомъ 1888 г. международнаго конгресса по профессиональному образованію вообще. То-же самое, полагаютъ, отвѣтятъ и техническое общество и общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, куда также отправлены запросы департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. При этомъ также ждуть отвѣтовъ подобнаго рода и отъ московскихъ и всѣхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ Россіи. Поэтому, смѣло можно сказать, что вопросъ о созывѣ данного конгресса въ Петербургѣ уже почти совсѣмъ рѣшенъ.

— Дѣло о передачѣ „Русскаго Вѣстника“ С. П. Катковою состоялось. Журналъ переходитъ въ руки Ф. Н. Берга, который будетъ его редакторомъ-издателемъ, и переводить журналъ въ Петербургъ, такъ какъ въ послѣднее двадцатилѣтіе въ немъ печатались произведенія почти исключительно лицъ, живущихъ въ Петербургѣ.

— Работы по сооруженію новороссійской желѣзной дороги настолько подвинулись впередъ, что можно надѣяться на скорое открытіе всего пути на протяженіи отъ станціи Тихорѣцкой (Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, находящейся въ 170 верстахъ отъ

Ростова и въ 480 отъ Владикавказа) до самаго Новороссійска. Участокъ сооружаемой линіи отъ ст. Тихорѣцкой до города Екатеринодара (на протяженіи 127 верстъ) уже давно готовъ и нынѣшнимъ лѣтомъ производилось на этомъ участкѣ правильное движеніе. Въ послѣднее время не мало сдѣлано и на остальномъ участкѣ между Екатеринодаромъ и Новороссійскомъ. На этомъ пути находится вполнѣ оконченный постройкой огромный желѣзный мостъ черезъ рѣку Кубань, расположенный въ 129 верстахъ отъ Екатеринодара. Длина моста 130 сажень, стоимость его до 800,000 р. Мостъ голландской системы (сооруженъ на Брянскомъ заводѣ); его поддерживаютъ массивные устои, раздѣленные большими пролетами (до 30 саж.): Кромѣ моста, на новороссійской желѣзной дорогѣ, замѣчательнымъ сооруженіемъ является тоннель, прорытый на весьма значительномъ разстояніи (около 650 сажень). Работы по прорытію тоннеля дѣлались одновременно съ двухъ концовъ. Работы производились русскими рабочими подлѣ наблюденіемъ и руководствомъ инженеровъ путей сообщенія.

— На дняхъ въ государственномъ совѣтѣ долженъ былъ разсматриваться проектъ ограниченія частнаго лѣсовладѣнія, въ видахъ охраненія нашихъ лѣсовъ отъ совершеннаго истребленія.

— Въ казанскомъ окружномъ судѣ, по 3-му уголовному отдѣленію, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣно дѣло троихъ черемисъ, царевкопшайскаго уѣзда, по обвиненію ихъ въ нанесеніи, въ состояніи запальчивости и раздраженія, смертельныхъ увѣчій одному черемисину. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя С. В. Дьяченко, при членахъ гг. Петропавловскомъ и Диллонѣ. Обвинялъ товарищъ прокурора г. Тимофеевъ, защищалъ всѣхъ троихъ подсудимыхъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Гиршфельдъ. Сущность дѣла такова. Нынѣшнимъ лѣтомъ крестьяне-черемисы пяти деревень, составляющихъ одно сельское общество, захотѣли произвести передѣлъ земли по наличнымъ душамъ. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, между общественниками не оказалось полного согласія: одни желали передѣла, другіе нѣтъ. Хотя желающіе передѣла и не было двухъ третей всѣхъ общественниковъ, какъ того требуетъ законъ, тѣмъ не менѣе приговоръ о передѣлѣ былъ составленъ. 3-го мая настоящаго года согласившіеся на передѣлъ стали пахать землю согласно новому передѣлу, но на нихъ напала вооруженная рычагами толпа несогласныхъ и прогнала ихъ съ поля. На мѣсто дѣйствія прибылъ сельскій староста съ крестьянами. Одинъ изъ крестьянъ сталъ уговаривать несогласныхъ прекратить буйство, но изъ толпы послѣднихъ выдѣлились три черемисина и стали наносить уговаривавшему побои колыями, а остальныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ старостой, прогнали. Отъ ударовъ колыями по головѣ уговаривавшій крестьянъ уналь и чрезъ нѣсколько времени умеръ. Свидѣтелями вполнѣ была установлена виновность подсудимыхъ. Присяжные признали подсудимыхъ виновными и судъ постановилъ отдать ихъ всѣхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ 7 мѣс. cadaго. („Волжск. Вѣст.“).

— Сводъ постановленій казанскаго губернскаго земскаго собранія, такъ давно всѣми ожидаемый, наконецъ, вышелъ въ свѣтъ. Это—довольно большой томъ въ 605 страницъ мелкой печати. Всѣ постановленія собранія раздѣлены на 13 отдѣловъ, въ свою очередь распадающихся на нѣсколько категорій. Отдѣлы эти таковы: 1) организація земскаго самоуправленія, 2) отношенія земства къ правительственнымъ учрежденіямъ и обязанности, возложенныя правительствомъ на земство, 3) раскладки сборовъ, 4) земскія повинности, 5) народное образованіе, 6) мѣры къ улучшенію экономическаго благосостоянія населенія, 7) народное продовольствіе, 8) общественное призрѣніе и народное здравіе, 9) мѣры противъ падежей скота, 10) мѣры противъ пожаровъ и взаимное земское страхованіе, 11) взиманіе сборовъ и земскихъ платежей, 12) земскіе капиталы, 13) ходатайства земства передъ правительствомъ. („Каз. Бир. Лист.“).

— За послѣднее время между евреями Кременчуга замѣчается сильное стремленіе къ переходу въ православіе. Переходятъ евреи въ православіе цѣлыми семьями; такъ, недавно перешла цѣлая семья Сахаровыхъ изъ іудейства въ христіанство, изъ семи членовъ и еврей молодой человѣкъ, а вслѣдъ затѣмъ крестилась на дняхъ дѣвушка еврейка Бродская, укрывшаяся отъ матери въ чужомъ домѣ со своимъ женихомъ, купеческимъ сыномъ Поддергинимъ, за котораго, послѣ крещенія вышла замужъ въ тотъ же день и бракосочетаніе совершенно было въ церкви реальнаго училища протоіереемъ

Пивоваровымъ, которымъ присоединено здѣсь въ православіе уже 77 евреевъ до настоящаго времени. А на дняхъ еврейка Косогладова уѣхала въ Елисаветградъ съ молодымъ человѣкомъ, гдѣ и приняла крещеніе и вернулась въ Кременчугъ христіанкой. („Русск. Кур.“).

— По свѣдѣніямъ „Кавказа“, вопросъ о каспійско-черноморскомъ нефтепроводѣ, повидимому, приходитъ къ вождедѣнному концу. Концессія на это сооруженіе отдана горному инженеру Илимову. Всѣ формальности по соглашенію съ правительствомъ закончатся въ текущемъ году; одновременно съ этимъ, согласно Высочайше утвержденному 8-го апрѣля сего года положенію комитета министровъ, управляющимъ министерствомъ финансовъ будетъ выработанъ проектъ полного воспрещенія или обложенія высокой пошлиной вывоза за границу сырой нефти, ея остатковъ и вообще полуобработанныхъ продуктовъ, съ цѣлью содѣйствія сосредоточенію обрабатывающей нефтяной промышленности въ предѣлахъ имперіи. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ окончательно до открытія проектируемаго баку-батумскаго нефтепровода. („Нов. Обозр.“).

— По словамъ газеты „Иверія“, близъ селенія Ахалкалаки открыты открыты нефтяные источники. Составилась даже компанія, имѣющая цѣлью эксплуатировать ихъ. Объ этихъ источникахъ въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ брошюра, принадлежащая перу инженера г. Симоновича. („Нов. Об.“).

— Намъ сообщаютъ, что почетный вольный общникъ Императорской академіи художествъ г. Петровъ работаетъ надъ исторіею русскаго искусства. Г. Петрову открытъ доступъ въ архивъ академіи наукъ, къ документамъ, относящимся до администраціи академіи наукъ за время существованія при ней фигурной палаты и гравировальнаго отдѣла. („Нов.“).

— Генералъ-маіоръ Дубровинъ занятъ въ настоящее время изданіемъ, по порученію Императорскаго русскаго историческаго общества, протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта, учрежденнаго императрицею Екатериною I, въ 1726 году. („Нов.“).

— Младшій судовой врачъ на фрегатѣ „Владиміръ Мономахъ“, Н. В. Слюнинъ, прочтетъ въ непродолжительномъ времени въ залѣ Думы нѣсколько лекцій о своихъ наблюденіяхъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ. Надняхъ г. Слюнинъ дѣлалъ докладъ о томъ же въ Москвѣ, въ годичномъ собраніи Общества естествознанія, антропологии и этнографіи. Лекціи будутъ сопровождаться туманными картинами.

— Вся команда съ погибшаго парохода „Кострома“ теперь нищенствуетъ въ Одессѣ, живетъ подааніемъ и ходитъ по улицамъ толпой въ 40—50 человѣкъ, прося защиты отъ безчеловѣчности заправилъ Общества добровольнаго флота. 16-го мая пароходъ „Кострома“ потерпѣлъ крушеніе, и съ того времени вся команда лишена жалованья, не смотря на то, что продолжала служить, будучи высажена командиромъ парохода на островъ, гдѣ въ теченіе 47 сутокъ работала, снеся съ парохода не только все имущество, но даже вещи, находившіяся въ водѣ. Команда безпрекословно исполняла всѣ приказанія командира парохода, начинала работу въ 5 час. утра и кончала въ 9—10 час. вечера. 7-го іюля команда прибыла во Владивостокъ, и тутъ ее продовольствовали однимъ борщомъ на обѣдъ и кирпичнымъ чаемъ утромъ и вечеромъ. Всѣ просьбы и ходатайства команды, начиная съ мѣстныхъ агентовъ во Владивостокѣ и кончая правленіемъ добровольнаго флота, остались безъ послѣдствій. Наконецъ, команду посадили на „Нижній Новгородъ“ и черезъ 61 день доставили въ Одессу, гдѣ прямо прогнали съ парохода, не давъ ей ни расчета, ни мѣстъ на другихъ пародахъ. Вся команда осталась безъ гроша денегъ и безъ работы при наступленіи холодныхъ дней. Положеніе ея ужасное: одежды теплой нѣтъ, работъ нѣтъ, документы просрочены, за прошеніе милостыни можно попасть къ мировому. („Нов. Тел.“).

— Нынѣшній годъ, читаемъ въ „Дѣловомъ Корреспондентѣ“, особенно обилень всевозможными выставками, но и въ будущемъ году предстоитъ ихъ не мало. Въ настоящее время уже дѣятельно разрабатываются программы сельско-хозяйственныхъ, кустарныхъ и ремесленныхъ выставокъ въ Саратовѣ, Смоленскѣ, Одессѣ, Курскѣ и многихъ другихъ городахъ. Кромѣ того, нѣкоторые уѣздныя земства Тверской и Воронежской губерній, по примѣру кашинскаго земства, намѣрены приступить къ устройству періодическихъ сельско-хозяйственныхъ и земледѣльческихъ выставокъ въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ селахъ и мѣстечкахъ во время бывающихъ тамъ ярмарокъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разслана подписчикамъ XI-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ: I. Феодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біографич. очеркъ. Сост. И. Я. Морозкинъ.—II. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Гл. I—V. Біографическій очеркъ. Сост. Н. М. Колмаковъ.—III. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Гл. IV—IX. Состав. М. А. Колчинъ.—IV. Императоръ Павелъ и его время. Записки курляндскаго барона, 1796—1801 гг. Гл. I—II.—V. Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в. Гл. II—III. Сост. В. И. Семевскій.—VI. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ.—VII. Записки Д. И. Ростислава, професс. спб. духовной академіи, о блгоумъ духовенствѣ. Гл. XX—XXI. VIII. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. (Оконч.). Сообщ. Е. С. Некрасова.—IX. Александръ Васильевичъ Головинъ въ 1863 и 1881 гг.—X. Ученныя архивныя коммисіи въ 1886 г. Сообщ. И. Е. Андреевскій.—XI. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, 1828—1887 гг. Сообщ. О. О. Миллеръ.—XII. С. Я. Надсонъ. По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній. Сообщ. О. О. Миллеръ.—XIII. Стихотворенія К. К. Р. 1882—1885 гг.—XIV. Историческіе документы и замѣтки: Матеріалы къ русской исторіи XVIII в. Сообщ. О. О. Бычковъ.—М. В. Милоновъ.—Отшельникъ Ѳеодоръ.—Е. О. Жуковская.—Дебре.—Всероссійскій дворянскій молебень, 1852 г.—Звѣрьяда.—Н. А. Добролюбовъ.—С. П. Колонинъ.—Н. И. Пироговъ.—С. М. Котельникова.—Ватюшковы.—В. А. Жуковский.—Труды и изданія Д. А. Ровинскаго.—И. К. Айвазовскій.—Поправки.—XV. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ графа Льва Николаевича Толстого. Гравиров. художникъ г. Матта.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.

Деятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Изд.-ред. М. И. Семевскій.

Страхованіе приданого для дѣвушекъ.

Отцамъ, опекунамъ и вообще лицамъ, желающимъ обезпечить будущность дѣвушки, рекомендуется страхованіе приданого въ Страховомъ Обществѣ „Россія“.

Если, напимѣръ, желаютъ застраховать для двухлѣтней дѣвочки приданое въ 3,000 руб., имѣющее быть выданнымъ по достиженіи ею 18-лѣтняго возраста, то за такое страхованіе вносятъ въ Страховое Общество „Россія“ чрезъ каждые три мѣсяца премію въ 35 руб. 18 коп.

Въ случаѣ преждевременной смерти ребенка уплаченные преміи возвращаются немедленно.

Общество „Россія“ при этомъ предоставляетъ страхователямъ участіе въ прибыляхъ. Ежегодно отчисляемая часть прибыли, вмѣстѣ съ накопившимися на нее процентами, выдается одновременно съ застрахованнымъ приданнымъ и служитъ къ увеличенію такового.

Къ 31 декабря 1886 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано для 5,853 дѣвушекъ приданого на 14.244,100 руб.

Для мальчиковъ подобнымъ образомъ страхуется капиталъ, выдаваемый имъ по достиженіи совершеннолѣтія, или стипендія на воспитаніе.

Подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, бесплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами Общества въ городахъ Имперіи.

